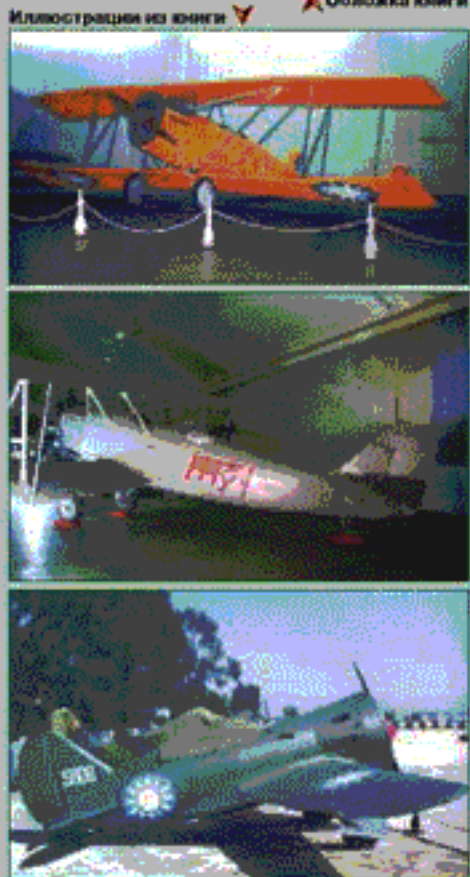

АВИАЦИЯ ПОДНЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ

ТАК уж исторически сложилось, что на протяжении достаточно большого периода времени отношения России и Китая развивались по-разному: было и открытое противостояние, и добрососедские отношения. Именно в период дружественных отношений зародилось военно-техническое сотрудничество между нашими воинственными великими странами.

Однако достаточно длительная независимость Поднебесной империи от иностранного влияния долгое время не позволяла подробно изучать развитие китайской военной истории и военного сотрудничества Китая с другими странами.

В последние время в связи с открытием Китаем ряда источников одна за другой стали появляться публикации, статьи, книги, посвященные данной тематике. К этому ряду книг, без сомнения, можно отнести монографию А.А. Дымина «Авиация великого соседа», повествующую о зарождении и развитии национальной китайской авиации и авиационной промышленности. Книга рассматривает период начиная с первых попыток китайцев подняться в воздух и заканчивая началом 1940-х годов.

В издании впервые обобщены сведения из китайских и тайваньских источников, ряда западных публикаций, а также многочисленных документов российских и китайских архивов.

Основу китайской авиации в течение многих десятилетий составляли импортные военные и гражданские самолеты из многих стран мира — СССР, США, Англии, Германии, Франции, Италии и др. В монографии приводятся примеры их боевого применения и эксплуатации в авиации Центрального правительства и на службе у провинциальных властей.

Особое внимание уделено российско-китайскому сотрудничеству в области авиации, в том числе технической помощи в создании национальной авиационной промышленности, организации в Китае лётно-технических авиационных центров, участию советских лётчиков-добровольцев в составе ВВС Китая в ряде войн и конфликтов на территории Китая.

Книга проиллюстрирована уникальными фотографиями из архивов Российской Федерации и личных коллекций. Издание будет интересно не только историкам, китайоведом, но и авиационным специалистам, а также всем интересующимся историей мировой и отечественной авиации.

*Публикация лейтенанта
Д.С. СМЕРНОВА*

Дымин А.А. Авиация великого соседа. Кн. 1. У истоков национальной авиации. М.: Форт, 2008. 208 с. 200 руб.

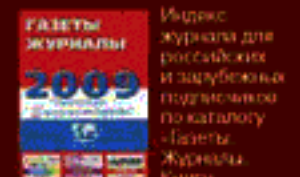

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

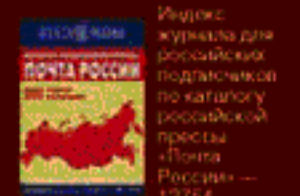
№ 2 2009

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи Почты России.

Индекс журнала для российских и зарубежных подписчиков по каталогу «Газеты, Журналы, Книги, Учебные пособия» агентства «Роспечать» — 70137.

Индекс журнала для российских подписчиков по каталогу «Почта России» — 12754.

Адрес для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел: редакция для справок: (495) 693-57-45; 8-906-751-05-97. E-mail: MI_Hist_magazin@mail.ru

Электронная версия «Военно-исторического журнала» и «Военно-исторический журнал Интернет» (приложение за 2004–2007 гг.) — на главной странице сайта Министерства обороны РФ www.mil.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут приобрести отдельные номера журнала в Редакционно-издательском центре Министерства обороны РФ. тел. (495) 693-58-68

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ФЕВРАЛЬ
№ 2
2009

ИЗДАНИЕ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ • WWW.MIL.RU

Как был подписан предварительный акт о капитуляции фашистской Германии

Организация и обеспечение связи в РККА в предвоенные годы

Ионсон Г.Ю. — генерал двух армий

Монгольское турне Бийской дивизии

Ополченские дружины Приамурского военного округа в 1914–1917 гг.

Из истории дисциплинарных воинских частей Военно-морского флота Российской империи. 1906–1916 гг.

Красный дозор. 1923 г. Художник П.Д. Поноржеский

23 февраля – День защитника Отечества. День воинской славы России

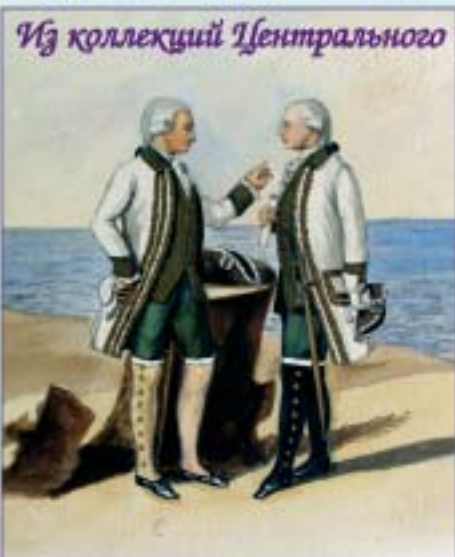
Военно-исторический журнал 2009 № 2 февраль

Русский морской мундир

Императрица Екатерина II в морском мундирном платье
Художник С.В. Пен, 1998 г.

Из коллекций Центрального

Адмирал и вице-адмирал. 1764 г.
Вторая половина XIX в.

военно-морского музея

Флота капитан 1 ранга. 1764 г.
Вторая половина XIX в.

Квартирмейстер и баталёр. 1764 г.
Вторая половина XIX в.

Шапка грендерская 1-го Морского батальона Балтийского флота с 1788 по 1798 г.

Матросы: в мундире, в камзоле. 1764 – 1802 гг.
Вторая половина XIX в.

Шапка грендерская кадета Морского шляхетного кадетского корпуса. 1780 г.
Реконструкция 1900 – 1901 гг.

Флота обер-офицер. 1764 г.
Вторая половина XIX в.

В ЦАРСТВОВАНИЕ Екатерины II были проведены значительные преобразования в русском флоте: изменена система управления, увеличено количество кораблей и галер. Всеми этими вопросами с 1763 года занималась Морская российская флотов и адмиралтейского правления комиссия, в состав которой входили вице-адмирал С.И. Мордавинов, генерал-поручик И.Г. Чернышов, вице-адмирал Ф.С. Милославский и контр-адмирал Г.А. Спиридов. 2 марта 1764 года был утверждён новый Штат о мундире «всем во флотах и при Адмиралтействах служащим». Согласно ему основные цвета морского обмундирования остались прежними. Флагманам было положено иметь кафтаны из белого сукна с зелёными воротниками, обшлагами, камзолами и штанами, с золотым шитьём в виде дубовых листьев по бортам кафтана, камзола, по краю воротника, обшлагов и карманных клапанов. На обшлагах у адмиралов было по три золотых пуговицы, у вице-адмиралов – по две, у контр-адмиралов – по одной. Чёрная треугольная шляпа украшалась по краю золотым шитьём и плюмажем из белых перьев, а с левого поля крепилась белая шёлковая кокарда с золотой пуговицей.

Мундир офицеров флота был тех же цветов. У чинов, соответствовавших майору в армии, по борту камзола

нашивали один золотой галуна, у капитанов 2 ранга к этому ещё добавляли два ряда галуна под карманами, у капитанов 1 ранга – один узкий и один широкий галуна по бортам камзола. У капитанов генерал-майорского ранга добавлялось по одной золотой пуговице на обшлагах. Офицерам корабельного состава было положено иметь на левом плече вытканную золотую или серебряную тесьму с кистью – прообраз эполета. Узор тесьмы определялся командиром корабля. По нему можно было определить, на каком корабле служит офицер. Офицерские шляпы имели белую шёлковую кокарду и по краям украшались золотым галуном.

Мундир офицеров морской артиллерии был таким же, но с чёрным бархатным воротником, с чёрными же лацканами, обшлагами и подкладкой кафтанов, а шляпы – с золотым шнуром вместо галуна. У штурманов и шкиперов кафтаны и штаны были зелёные, а воротники, обшлага кафтанов и камзола – белые, с соответствующими различиями по чинам.

Унтер-офицерам флота обмундирование было положено тех же цветов, что и у шкиперов, с нашивками из галуна: боцману – один ряд на воротнике, на обшлагах в 3 ряда «змейкою», боцману – то же, но на обшлагах в 2 ряда, квартирмейстеру и баталёру – на обшлагах в 1 ряд.

в эпоху Екатерины II

Офицер морских солдатских полков. 1764 г.
Конец XIX в. Статуэтка. Скульптор А.Софонов.

Офицер артиллерийского батальона гречной флотилии. 1786 г.
Конец XIX в.

Адмирал С.К. Грейг. Портрет. 1770 – 1780 гг.
Неизвестный художник

▲ Модель с рангоутом 66-пушечного корабля «Св. Евстафий Плакида», 1763 г.
Изготовлена в 1977 г.
Л.И. Алёшиным в масштабе 1:48

Рядовой бомбардирского батальона Черноморской гречной флотилии. 1794 г.
Статуэтка. Конец XIX в.

Матросы в рабочей одежде. 1764 – 1802 гг.
Вторая половина XIX в. Художник А.М. Коргуев

Рядовой морской солдатской команды. 1764 – 1786 гг.
Вторая половина XIX в.

Генерал-адмирал М.М. Голицын
Неизвестный художник.
Середина XIX в.

▲ Мушкетон малой пропорции образца 1788 г. с кремневым замком
Россия

Матросам и другим равным им чинам выдавали сроком на два года бострог с брюками из зелёного сукна, а также белый суконный камзол, тиковый полосатый камзол и круглую шляпу. Кроме того, им полагалась рабочая одежда сроком на три года: голландская рубашка с брюками из канифаса (парусины), канифасная епанча с рукавами на суконной подкладке. На сапоги, башмаки и чулки выдавались деньги в командах.

Строевой мундир морских солдат состоял из зелёного кафтана с красными лацканами, воротником, обшлагами, на белой подкладке из каразеи, белого камзола, зелёных штанов. На шляпах, обшитых по краю белой шерстяной тесьмой зубчатого рисунка, имелись кокарды в виде белого банта на пуговице. От непогоды защищал суконный плащ-епанча василькового цвета. Ноги были обуты в башмаки с чёрными штиблетами на пуговицах или сапоги. Солдаты вооружались так же, как и армейская пехота, – ружьями со штыками и шпагами с тесачным клинком. Для работы им полагались матросская шляпа, тиковый бострог и канифасные брюки. Офицеры морских батальонов носили шарфы и шейные офицерские знаки. В 1792 году для 1-го и 2-го морских полков Балтийского флота и некоторых других частей было установлено новое обмундирование,

названное впоследствии «потёмкинским»: короткий кафтан, шаровары с нашитыми кожаными крагами, чёрные каски с широким козырьком и поперечным шерстяным плюмажем. Это обмундирование зелёного цвета с чёрными лацканами, воротником, обшлагами было принято для артиллерийских батальонов гречной флоты, а в 1794 году такое же, но красное с чёрным было введено для бомбардирского батальона Черноморского флота.

По расписанию 1764 года полагалось выдавать мундир в счёт вычетов из жалования только тем, кто получал не более 24 рублей в год, т.е. матросам, солдатам, унтер-офицерам. Однако было разрешено по усмотрению Адмиралтейства-коллегии, чтобы обеспечить единообразие и сократить расходы, и для обер-офицеров «неотчию сукна и к ним прилежащее... но и позументы на казённые деньги подрядом или покупками заготовляя. Таковым выдавать, вычитая у них из окладного жалования по срокам адале не продолжая, чтобы казне никакого убытка не последовало».

СОХРАНЁННАЯ ЭКСПОНАТЫ "ЛЕЙБШТАНДАРТА". ЧАСТЬ III.

ВЕЩИ, несущие на себе отпечаток истории, всегда уникальны, по-особому интересны и привлекательны.

Компания «Лейбштандарт», основной деятельностью которой является поиск и реализация уникальных, редких, подлинных предметов, также помогает приобщиться к истории. Холодное оружие, награды, униформа и военные регалии России (Советского Союза), Германии, Японии и других государств, где происходили значимые военные конфликты, – главное её направление. Особое внимание уделяется гарантии подлинности на продаваемые предметы, экспертизе и консультациям.

В этом номере предлагаем вашему вниманию некоторые экспонаты «Лейбштандарта», относящиеся к периоду Союза Советских Социалистических Республик после 1945 г.

ИСТОРИЯ СССР ПОСЛЕ 1945 ГОДА

1. Парадная офицерская пехотная фуражка образца 1955 года.
2. Будёновка с синей звездой, пошита специально для парада, проходившего в 1967 году на Красной площади по случаю 50-летия Октябрьской революции.
3. Парадная фуражка генералов Военно-воздушных сил (ВВС) образца 1955 года.
4. Китель старшего лейтенанта Министерства государственной безопасности образца 1943 года, выпуска второй половины 1940-х годов.
5. Шинель пехотная из числа специально пошитых на торжественный парад, проходивший по случаю 50-летия Октябрьской революции. Шинель рядового состава пехоты с малиновыми «разговорами» и тёмным воротником и обшлагами.
6. Генеральский мундир 1970-х годов.
7. Китель Маршала Советского Союза выпуска 1970-х годов. Судя по нагрудной колодке (8 орденов Ленина, орден Октябрьской Революции, 4 ордена Красного Знамени, 3 ордена Суворова и т.д.), возможно, принадлежал В.И. Чуйкову.
8. Знак за окончание общевоинского военного училища выпуска 1950-х годов.
9. Знак за окончание радиолокационного военного училища выпуска 1950-х годов.
10. Знак за окончание танкового военного училища выпуска 1950-х годов.
11. Нагрудный знак «Гвардия» военного выпуска.
12. Кавказский кинжал работы кубачинских мастеров 1950-х годов. Рукоять из слоновой кости, ножны деревянные, обтянутые кожей. Ножны и клёпки рукоятки изготовлены из серебра, украшены красивым чёрным орнаментом и золочением.
13. Кавказский кинжал работы кубачинских мастеров 1950-х годов. Ножны и рукоять изготовлены из серебра, украшены черневым орнаментом и золочением.
14. Шашка генеральская образца 1940 года. Клинок хромированный, рукоять из жёлтой пластмассы. Шашка была изготовлена для генералов кавалерии, пехоты и артиллерии взамен шашки образца 1927 года. До конца 1990-х годов оставалась принадлежностью строевой парадной формы генералов, возглавлявших колонны на парадах, а также офицеров – начальников почётных караулов.

Огни 6-й роты

Памятник героически погибшим бойцам 6-й роты 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й Псковской дивизии ВДВ

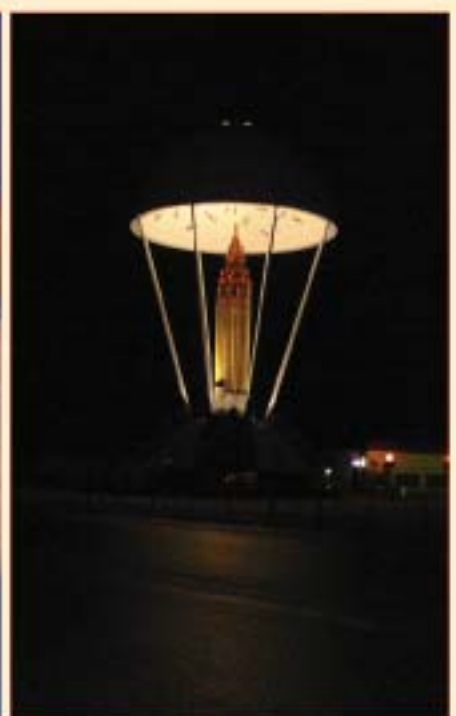

В ночь на 1 марта 2000 года бойцы 6-й роты 104-го гвардейского парашютно-десантного полка 76-й Псковской дивизии ВДВ под командованием подполковника Марка Евтюхина у селения Улус-Керт вступили в неравный бой с крупным бандформированием. Тогда 90 десантников сдерживали натиск около 2000 чеченских боевиков под командованием террориста Хаттаба. Бандиты неоднократно предлагали российским

военнослужащим пропустить их, подчёркивая своё численное и огневое превосходство, но всегда получали отказ. В бою бандиты потеряли по разным оценкам от 500 до 700 человек убитыми, но так и не смогли прорваться в направлении Ведено. Всего в бою в районе высоты 776,0 погибло 84 российских военнослужащих, в том числе 13 офицеров.

Указом Президента Российской Федерации 22 десантникам было присвоено звание Героя России. 69 солдат и офицеров 6-й роты награждены орденом Мужества, 63 из них – посмертно.

Героическому подвигу псковских десантников посвящён памятник архитектора А. Царика в посёлке Черёха близ Пскова, у автотрассы Санкт-Петербург – Киев, возле КПП Псковской дивизии ВДВ. Открытие монумента, приуроченное к 72-й годовщине со дня образования ВДВ России, состоялось 2 августа 2002 года. Памятник представляет собой двадцатиметровую конструкцию в виде раскрытого купола парашюта, стропы которого идут к земле. В центре композиции стоят 84 бронзовые поминальные свечи, в основании размещён Георгиевский крест, на каждой лопасти которого по 21 фамилии. Внутри купола – 84 автографа погибших десантников, скопированные с их личных документов. На подлиси направлена специальная подсветка – лампочки (по числу погибших воинов), которые зажигаются в тёмное время суток.

105-летие героического боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой 9 февраля (27 января по старому стилю) 1904 года

ЗДЕСЬ, В 500 МЕТРАХ ОТ БЕРЕГА НАШЁЛ СВОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ПРИСТАНИЩЕ РУССКИЙ КРЕЙСЕР «ВАРЯГ», СТАВШИЙ СИМВОЛОМ НЕПОБЕДИМОСТИ ВОИНСКОГО ДУХА В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904 – 1905 ГГ.

27 января 1904 года крейсер 1 ранга «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» были блокированы японской эскадрой из пятнадцати кораблей в корейском порту Чемульпо. Им было предложено сдаться и спустить флаги, но «Варяг» не сдается наш гордый «Варяг», пощадь никто не желает». Русские моряки вступили в неравный бой. Во время сражения «Варяг» и «Кореец» получили сильные повреждения. Убедившись, что исправить их невозможно, русские моряки затопили свои корабли. В 1905 году японцы подняли «Варяг» и ввали в состав флота под именем «Соён». В 1916 году крейсер был выкуплен Россией и получил прежнее название. В 1917 году он был направлен на ремонт в Англию, но из-за произошедшей в России революции и гражданской войны легендарный корабль был брошен на произвол судьбы. В 1920 году «Варяг» был продан Англией на лом. По пути следования на разборку он сел на камни недалеко от Ленделфута и был затоплен.

Легендарный крейсер, всколыхнувший чувство высокого уважения к себе в сердцах людей, заставивших даже противника преклонить голову перед воинской доблестью русских моряков, навсегда останется в памяти благодарных потомков.

▲ Крейсер «Варяг»
Художник П.Т. Мальцев, 1955 г.

▲ Канонерская лодка «Кореец»
Хромотография, конец XIX века

▼ Крейсер «Варяг»
Начало 1900-х годов

▲ Медаль «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 января 1904»

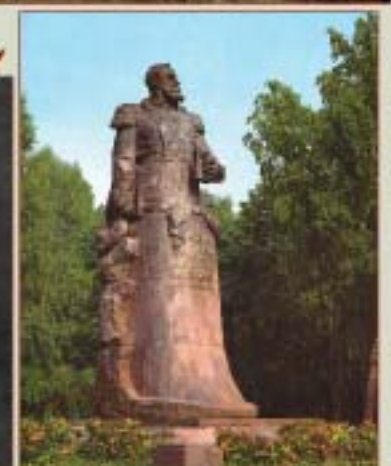
▲ Мемориальная доска с надписью, где указаны основные вехи истории крейсера «Варяг». Пос. Ленделфут, Шотландия

▲ Памятник легендарному крейсеру «Варяг» в посёлке Ленделфут, Шотландия
Проект воспитанника Навалиевского училища из Санкт-Петербурга. Скульптор Д. Суворовцев, архитектор В. Посенико

Командир крейсера «Варяг» капитан 1-го ранга В.Ф. Руднев ▼

▲ Памятник командиру крейсера «Варяг» Всеволоду Фёдоровичу Рудневу в Тульской области

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

FROM THE HISTORY OF MILITARY-POLITICAL RELATIONS

В.И. ЛОТА — Как был подписан предварительный акт о капитуляции фашистской Германии

V.I. LOTA – How the preliminary act of capitulation of Fascist Germany was signed

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

MILITARY CONSTRUCTION

А.П. ЖАРСКИЙ — Взгляды на вопросы организации и обеспечения связи в Вооружённых силах СССР в предвоенные годы

A.P. ZHARSKY – Opinions on the questions of organization and supply of communications in the USSR Armed Forces in the prewar period

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

MILITARY REFORM

В.П. АКУЛЕНКО — Реформирование российской армии в конце XVIII — начале XIX века

V.P. AKULENKO – Reforming of the Russian Army at the end of XVIII – beginning of XIX century

ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

MILITARY ART

В.Д. ОВЧИННИКОВ — Флотоводческое наследие адмирала Ф.Ф.Ушакова

V.D. OVCHINNIKOV – Naval commander heritage of Admiral F.F. Ushakov

ИСТОРИЯ ВОЙН

HISTORY OF THE WARS

А.Н. ГРИЩЕНКО — Неудавшаяся Донская вандея

A.N. GRISHCHENKO – The unsuccessful Don Vandeja

Т.Я. ИКОННИКОВА — Ополченские дружины Приамурского военного округа в 1914—1917 гг.

T.Ya. IKONNIKOVA – Home guard detachments of the Amur river military district in 1914–1917

ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ

FROM THE MILITARY ARCHIVES FUNDS

В.С. ХРИСТОФОРОВ, Д.Ю. ХОХЛОВ — Генерал двух армий. По материалам архивного уголовного дела №Р-48022

V.S. KHRISTOFOROV, D.Yu. KHOKHLOV – General of the two armies. Review of archive criminal case № P-48022

А.А. БОЧАРОВ — Из истории дисциплинарных воинских частей Военно-морского флота Российской империи. 1906—1916гг.

A.A. BOCHAROV – From the history of disciplinary units of the Russian Empire Navy. 1906–1916

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

MILITARY CHRONICLE OF THE FATHERLAND

А.Л. ХАЗИН — Зарождение отечественной традиции орденских пожалований

A.L. KHAZIN – Origin of the Fatherland tradition of the confer of orders

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

MILITARY TRAINING AND EDUCATION

Н.Д. РОСТОВ — Подготовка снайперов для фронта в Сибирском военном округе в годы Великой Отечественной войны

N.D. ROSTOV – Training of snipers for the front in the Siberian military district during the days of the Great Patriotic War

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

MEMOIRS AND ESSAYS

В.К. КУДРЕНКО — Монгольское турне Бийской дивизии

V.K. KUDRENKO – Mongolian tour of the Biisk division

А.П. ПАВЛОВ — Вооруженцы 14-й гвардейской

A.P. PAVLOV – Armament maintenance specialists of the 14th Guard

МОЛОДЁЖНЫЙ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ»

YOUTH MILITARY-HISTORICAL MAGAZINE

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

IN THE PAGES OF RARE EDITIONS

А.Г. БРИКНЕР — Смерть Павла I

(Публикация А.В. ОСТРОВСКОГО)

A.G. BRIKNER — Death of Pavel I.

(Publication of A.V. Ostrovsky)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

FROM UNPUBLISHED MANUSCRIPTS

А.Н. ГУРКОВСКИЙ — Палец на курке

(Публикация В.А. ГУРКОВСКИЙ)

V.A. GURKOVSKY – Finger on the cock

(Publication of the V.A. GURKOVSKY)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Д.В. СУРЖИК — Великий перелом

D.V. SURZHNIK – The great change

В.В. ИЗОНОВ — О морской авиации периода 1918—1937 гг.

V.V. IZONOV – About the Navy aviation in the period of 1918–1937

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

КАК БЫЛ ПОДПИСАН ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АКТ О КАПИТУЛЯЦИИ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Подписание в Реймсе 7 мая 1945 года акта о капитуляции (предварительного протокола) германских вооружённых сил советские историки считали дипломатической акцией, предпринятой союзниками с определённой целью: принизить решающий вклад Советского Союза в разгром фашистской Германии. В предлагаемой вниманию читателей статье рассказывается о предыстории этих событий и участии в них представителя СССР генерал-майора артиллерии И.А. Суслопарова.

Весной 1945 года, когда война в Европе близилась к завершению, Гитлер со своими подручными лихорадочно искали пути предотвращения катастрофы. Стремясь избежать неминуемого возмездия за совершённые преступления, некоторые представители правящей верхушки Германии пытались найти понимание во влиятельных финансовых, деловых и разведывательных кругах США и Великобритании. Прецеденты подобного рода уже были. Так, ещё в 1943 году обергруппенфюрер СС Карл Вольф, командующий войсками СС в Италии, сумел установить тайные контакты с резидентом американской разведки в Швейцарии А.-У.Даллесом, будущим директором ЦРУ.

Сведения о секретных контактах немцев с представителями союзников стали достоянием советских разведывательных служб — внешней разведки НКГБ и разведки Наркомата обороны и доложены И.В. Сталину. Во время встречи с Ф.-Д. Рузвельтом и У.-Л. Черчиллем в Крыму в феврале 1945 года И.В. Сталин предложил руководителям союзных держав проводить на завершающем этапе войны согласованную политику по отношению к фашистской Германии. Предложение было поддержано и нашло отражение в коммюнике, в котором, в частности, подчёркивалось, что планы всех совместных действий против гитлеровской Германии и относительно обращения с ней после её безоговорочной капитуляции полностью согласованы и детально спланированы. Однако, несмотря на достигнутые договорённости, А.-У.Даллес продолжал тайные контакты с К. Вольфом. И.В. Сталин в одном из писем Ф.-Д.Рузвельту поднял этот вопрос, заявив при этом: «Вы утверждаете, что никаких переговоров не было. Надо полагать, Вас не информировали полностью...»¹. Ф.-Д.Рузвельт обещал, что контакты с немецкими представителями будут прекращены, что и было сделано, но временно. Вскоре связь возобновилась. Для Германии капитуляция на Западном фронте была предпочтительнее, чем на Восточном, а американцы, как теперь известно, не хотели пропускать войска Красной армии за Эльбу.

События, завершающие войну в Европе, развивались стремительно. Помимо упорных сражений на восточном фронте происходили секретные дипломатические переговоры в столицах ряда европейских государств, разведки проводили свои тайные операции, создавая базы для работы в

мирных условиях. Всё это и многое другое, казалось бы, не связанное друг с другом, происходило одновременно, понять это могли далеко не все, и только разведчики, посвящённые в эти события, видели в них скрытый смысл, имеющий огромное значение не только для завершающего этапа войны, но и для будущего Европы.

Когда все попытки немцев договориться о сепаратной капитуляции на Западе не увенчались успехом, германский генералитет стал искать возможности подписания соглашений о прекращении боевых действий и передачи на западе своих армий под контроль союзников. Поэтому, не прекращая ожесточённого сопротивления наступающим частям Красной армии, немцы на Западном фронте без боёв сдавали англо-американцам свои оборонительные рубежи.

Первая подобная местная сдача произошла в Италии. На церемонии подписания акта о капитуляции по настойчивому требованию И.В. Сталина от советской стороны присутствовал генерал-майор А.П. Кисленко², являвшийся представителем советского правительства в Союзном консультативном совете по делам Италии.

Кроме этого совета существовала и более высокая организация — контрольная комиссия по делам Италии и Франции, в которой СССР представлял генерал-майор артиллерии Иван Алексеевич Сулопаров³ — в 1939—1941 гг. советский военный атташе при полпредстве СССР во Франции и резидент советской военной разведки.

Поскольку речь далее пойдет о событиях, в центре которых волею судьбы оказался И.А. Сулопаров, расскажем о нём подробнее.

Когда началась война, И.А.Сулопарова отозвали в Москву и назначили начальником штаба командующего артиллерией Красной армии, затем — начальником артиллерийских Краснознамённых курсов усовершенствования офицерского состава. С января 1943 года генерал-майор Сулопаров — заместитель командующего, через три месяца — командующий артиллерией 10-й армии, которой в 1942 году командовал генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, бывший начальник Разведывательного управления Красной армии.

После изгнания фашистских войск с территории Франции Ставка Верховного Главнокомандования поручила начальнику ГРУ подобрать специалиста на должность советского представителя при штабах союзников во Франции. Рассматривая возможные кандидатуры на эту ответственную должность, начальник военной разведки генерал-лейтенант И.И. Ильичёв вспомнил об И.А.Сулопарове, который работал в Париже накануне войны.

Предлагая назначить генерал-майора И.А.Сулопарова на военно-дипломатическую работу во Францию, И.И. Ильичёв докладывал И.В. Сталину: «Сулопаров по зарубежной работе в 1939—1941 гг. характеризовался положительно. Специальную работу освоил. Францию, её вооруженные силы и французский язык усвоил удовлетворительно. Морально устойчив. Политически подготовлен хорошо»⁴. В той же характеристике указывалось, что генерал-майор Сулопаров «дисциплинирован. Хорошо подготовленный разведчик. Имеет опыт руководящей работы в разведке...»⁵.

Участие в боевых действиях генерала И.А.Сулопарова тоже было оценено положительно. В той же справке, подготовленной для Сталина, указывалось: «Артиллерия армии под командованием генерал-майора И.А. Сулопарова успешно справлялась с задачами обороны на широком фронте. В период наступательных действий Красной армии генерал-майор Сулопаров хорошо спланировал и затем успешно осуществил артиллерийское наступление, проявив при этом полное

понимание задач армии, знание дела и умение в использовании артиллерийских средств усиления. Сам дисциплинирован и требователен к подчинённым. В бою решителен и смел. Решения принимает быстро и умело, инициативой обладает. Физически здоров. Должности командующего артиллерией вполне соответствует. За находчивость, инициативу и умелые действия в боевых условиях награждён орденами Красного Знамени и Суворова 2-й степени»б.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М.: Госполитиздат, 1958. С. 204.

² Кисленко Алексей Павлович (30.03.1901—12. 1981) — украинец, из крестьян, генерал-майор (17.11.1943), родился в г. Николаевске Самарской губернии (ныне г. Пугачев Саратовской области). В РККА — с 1919 г. Окончил 20-ю Саратовскую пехотную школу (1924), Артиллерийские курсы усовершенствования (1929), специальный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1936). В военной разведке с 1936 г. В 1944—1945 гг. — глава советской военной миссии при штабе командующего средиземноморскими экспедиционными союзными войсками, представитель советского правительства в Союзном консультативном совете по делам Италии (1944—1945 гг.). Присутствовал при подписании Акта о капитуляции немецкого командования в Италии 28 апреля 1945 г. С 1950 г. — член Союзного совета для Японии от СССР. После окончания Второй мировой войны продолжал службу в центральном аппарате ГРУ.

³ Сулопаров Иван Алексеевич (октябрь 1897 — декабрь 1974) — русский, из крестьян, генерал-майор артиллерии (июнь 1940), в Красной армии — с 1918 г., окончил Киевскую объединённую военную школу (1925), инженерно-командный факультет Артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского (1938), Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. В военной разведке — с октября 1939 г. Резидент советской военной разведки во Франции (1939—1941 гг.). После войны — начальник курса Военно-дипломатической академии.

⁴ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Оп.5125. Д. 6. Л. 89.

⁵ Там же. Л. 68.

⁶ Там же. Л. 43.

*старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ, подполковник запаса,
кандидат военных наук (Санкт-Петербург)*

ВЗГЛЯДЫ НА ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ СВЯЗИ В ВООРУЖЁННЫХ СИЛАХ СССР В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

В руководящих документах Красной армии 1930-х годов отмечалась роль связи как основного средства управления войсками, а её поддержание считалось одной из важнейших функций штабов¹.

Теория организации и обеспечения военной связи развивалась в соответствии с изменением форм и методов вооружённой борьбы, развитием вооружённых сил страны и системы управления ими. На военную связь как материальную основу управления войсками возлагались следующие задачи:

- «— обеспечение командованию своевременного сбора донесений от подчинённых и передачи им приказов и приказаний, а также представления в срок донесений в вышестоящий штаб;
- организация взаимной связи различных родов войск и соседних войсковых соединений (частей) между собой на всех этапах и рубежах боя;
- обеспечение управления войсковым тылом и тем самым бесперебойного питания войск всем необходимым;
- своевременное оповещение войск о воздушной и танковой опасности».

Исходя из решаемых задач, военная связь делилась на связь командования, взаимодействия, тыла и оповещения².

К военной связи предъявлялись следующие требования:

- «— постоянная готовность к действию средств связи и непрерывность её в ходе операции (боя) на всю глубину;
- быстрота организации и развёртывания связи;
- высокая манёвренность сил и средств;
- скрытность развёртывания связи и ведения переговоров и передач;
- своевременная и точная передача распоряжений и донесений;
- обеспечение быстроты проверки и контроля передачи и исполнения распоряжений и донесений»³.

По характеру передаваемых сообщений и применяемых оконечных устройств техническая связь делилась на телеграфную и телефонную, а в зависимости от используемых линейных средств и средств распространения сигналов — на проводную и радиосвязь.

Существовало мнение, что телефонная связь в оперативном звене управления будет использоваться только в качестве внутренней связи на пунктах управления (за исключением ВЧ-телефонной связи от Генштаба к фронтам, обеспечиваемой специальными частями связи НКВД). Основным же видом являлась телеграфная связь, которая использовалась как для передачи оперативных документов, так и для прямых переговоров командования. В «Наставлении по телеграфной службе» (1941) прямо указывалось: «В условиях армии и фронта телеграфная связь является основным средством управления войсками»⁴.

Радио для управления войсками фронта (армии) предполагалось использовать ограниченно. В мирное время радиосвязь в высших звеньях управления обеспечивалась главным образом с помощью стационарных радиостанций. Основным способом организации радиосвязи считалась радиосеть, и только на отдельных, наиболее важных направлениях предусматривалась организация радионаправлений.

В качестве подвижных средств связи могли применяться самолёты, танки, бронемашины, конные и пешие посыльные, собаки, голуби.

В основу организации связи в Красной армии были положены три принципа: «связь сверху вниз, связь справа налево и связь от специальных родов войск к пехоте и коннице»⁵.

Сущность принципа связи сверху вниз заключалась в обязанности установления связи старшего начальника с подчинёнными ему лицами, его силами и средствами. В случае же, когда в силу сложившейся обстановки связь между старшим начальником и его подчинённым своевременно не была установлена или нарушалась, каждый командир обязан был искать связь со своим начальником и добиться её установления своими средствами.

Сущность второго принципа — связь справа налево — заключалась в установлении связи по фронту между соседними частями и соединениями, причем обязанностью каждого командира и штаба являлось установление связи своими силами и средствами к соседу слева. Однако и здесь также не исключались случаи, когда сосед справа по каким-либо причинам мог быть лишён возможности своевременно установить связь со своим соседом слева, и тогда каждый штаб должен был принять все меры к её установлению своими средствами.

Третий принцип — связь от специальных родов войск к пехоте и коннице — относился главным образом к приданной и поддерживающей артиллерии. Сущность его заключалась в том, что артиллерия обязана была устанавливать связь с пехотой и конницей своими силами и средствами. Конница устанавливала связь с пехотой.

Вместе с тем вопросы практической реализации вышеназванных принципов организации связи вызвали различного рода затруднения. Например, принцип установления связи «сверху вниз» не учитывал отсутствия в Генеральном штабе своего комплекта частей связи, так как для Генштаба предполагалось использование средств Наркомата связиб. Принцип установления связи средствами правого соседа в тактическом звене не вызывал недоразумений, но во фронтовом и армейском звеньях он также требовал уточнения. Так, при использовании для установления проводной связи с соседом местных постоянных воздушных линий появлялись два хозяина (начальники связи взаимодействовавших между собой фронтов, армий), и порядок обеспечения проводной связи на стыках фронтов и армий определён не был.

В оперативно-стратегическом звене недостаточно полно были отработаны вопросы организации связи между взаимодействовавшими видами и родами войск. Не было установлено, чьим

распоряжением и чьими средствами она организуется, как и какими средствами обеспечивается в ходе операции. К числу наиболее крупных недоработок в этом отношении следует отнести: порядок обеспечения связи общевойсковых объединений с танковыми соединениями и воздушными десантами; связь встречного взаимодействия в операциях на окружение и уничтожение группировок противника; связь взаимодействия с военно-морскими силами, авиацией и системой ПВО страны. При планировании связи не учитывались потребности начальников родов войск (артиллерии, бронетанковых войск), а также начальника тыла. Считалось, что они смогут управлять подчинёнными им частями и соединениями, не имея собственной связи, а используя оперативную связь фронта, армии.

В каждом звене управления войсками создавалась система связи, которая могла включать в себя: узлы связи (УС); оси и направления связи; радионаправления и радиосети; пункты сбора донесений; военно-почтовые учреждения; резервы связи; органы снабжения и ремонта средств связи⁷.

Центром системы должны были стать полевые УС — УС связи командных пунктов (штабов)⁸. Функционирование полевых УС и их организационно-техническая структура во многом определялись системой управления, принятой в объединении (соединении) и порядком функционирования пунктов управления.

При разработке вопросов организации и обеспечения связи исходили из того, что штабы фронтов и армий будут находиться на относительно большом удалении от линии фронта (штабы армий не ближе 35—60 км, штабы фронтов — 100—150 км), а перемещаться они в ходе операции будут через значительные промежутки времени: штабы армий — через 5—7 суток, а фронтов — через 8—12 суток. При этом порядок поддержания связи при перемещении органов управления достаточно полно разработан не был⁹. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Временный полевой устав РККА. М.: Госвоениздат, 1937. С.77—79; Наставление службы связи (проект). М.: Воениздат, 1941. С. 7—9.

² Наставление службы связи (проект). С. 7, 8.

³ Там же.

⁴ Наставление по телеграфной службе. М.: Воениздат, 1941. С. 218.

⁵ Наставление службы связи (проект). С. 10, 11.

⁶ *Гапич Н.И.* Служба связи в основных видах общевойскового боя (сд, ск). М.: Воениздат, 1940. С. 32.

⁷ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 23. М.: Воениздат, 1947. С. 98.

⁸ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 10Р. Оп. 1. Д.63. Л. 37.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА

АКУЛЕНКО Виктор Петрович —

*начальник управления Военного издательства Министерства обороны Российской Федерации,
полковник (Москва)*

РЕФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Авторитет и влияние России на международной арене во все времена во многом зависели от степени развития её военной организации. На рубеже XVIII—XIX вв. развитие вооружённых сил России определялось несколькими факторами. В числе основных можно назвать характер социально-политического строя страны, её геостратегическое положение, экономические возможности, внешнюю политику, союзнические обязательства.

В рассматриваемый период свою внешнюю политику Российская империя проводила в ходе целого ряда войн, как двусторонних, так и коалиционных. Они являлись звеньями общей цепи событий, которые неуклонно развивались под влиянием обострившихся международных отношений, создаваемых главным образом агрессивными замыслами Наполеона Бонапарта. Необходимость противопоставления мощной французской армии, соответствовавшей новым условиям вооружённой борьбы, предопределила кардинальные изменения в организации российской армии, в способах применения сил и средств, в развитии военного искусства (стратегии и тактики) в целом.

Отличительной особенностью центрального военного управления в России являлась его коллегиальность. Управление полевой действующей армией, гарнизонными и иррегулярными войсками в последнем десятилетии XVIII века было сосредоточено в руках подчинявшейся сенату Военной коллегии. В неё, как в главный правительственный орган, ответственный за русскую армию, традиционно входили наиболее авторитетные и опытные военные и государственные деятели, которые пользовались личным доверием монарха. Дела здесь и впрямь решались сообща, с обязательным присутствием заинтересованных должностных лиц. Коллегиальной была и ответственность за принимаемые решения.

Параллельно с Военной коллегией в Российском государстве существовал ещё один орган центрального военного управления — немногочисленная по своему составу так называемая Военно-походная Его Величества канцелярия, образованная в 1797 году Павлом I. Она считалась сугубо личным рабочим органом императора по управлению военными делами, возглавляемым

генерал-адъютантом, подотчётным императору и, следовательно, имевшим право на персональный доклад.

В военное время Военно-походная Его Величества канцелярия по существу ведала всеми делами действующей полевой русской армии независимо от того, находился российский монарх при ней или нет. При таком положении во время войны «особо доверенные лица» решали в основном второстепенные вопросы и почти не касались боевой деятельности войск как на территории государства, так и за его пределами. В период военных действий они занимались и обеспечением всем необходимым сухопутных войск, и подготовкой армейских резервов, и военно-промышленным производством, и организацией тыла, и проведением внеочередных рекрутских наборов и многим другим.

Начиная с 1796года вся территория Российской империи была разделена на так называемые военные инспекции, включавшие в себя части всех родов полевых войск и гарнизонные войска, расположенные более-менее в определённых районах. Кроме того, территория страны делилась на губернаторства и генерал-губернаторства. Последние возглавляли генерал-губернаторы, которые обычно исполняли обязанности инспекторов, то есть сосредотачивали в своих руках гражданскую и военную управленческую власть в пределах подчинённой им губернии.

С началом войны или в период её угрозы генерал-губернаторам подчинялись все войска (полевые, гарнизонные и иррегулярные), расквартированные в пределах соответствующих губерний. За их повседневную жизнь, всестороннюю подготовку к боевым действиям и командование этими войсками они отвечали лично перед Военной коллегией и императором.

Действующие полевые армии создавались только в военное время или в связи с непосредственной угрозой войны. На их формирование выделялась часть сухопутных войск из состава военных инспекций. При действующей армии полагалось образовывать полевое управление. Оно не имело постоянных штатов, а его состав во многом зависел от решения главнокомандующего, характера и масштаба военных действий. Полевое управление армии формировалось, как правило, за счёт прикомандированных армейских офицеров, офицеров гвардии и квартирмейстерской части.

В конце XVIIIстолетия такая система военного управления перестала отвечать требованиям времени и задачам вооружённых сил и даже на официальном уровне признавалась неудовлетворительной. Реалии жизни, развитие военного дела и искусства, положение страны в Европе настоятельно требовали проведения серьёзной реформы военного ведомства Российской империи.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ФЛОТОВОДЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АДМИРАЛА Ф.Ф.УШАКОВА

Флотоводческое наследие адмирала Ф.Ф.Ушакова для нас чрезвычайно важно, так как его боевой опыт — это опыт успеха. Российский военно-морской историк и теоретик генерал-майор (по адмиралтейству) Н.Л.Кладо в одном из своих трудов справедливо заметил, что «теорию во всякой области можно определить как исследованный, обобщённый и сведённый в систему прежний опыт»¹. Следовательно, изучение боевого опыта Ушакова, несомненно, позволяет прийти к важным и актуальным теоретическим обобщениям.

Разработанные и внедрённые Ф.Ф.Ушаковым формы и методы обучения и воспитания личного состава, созданная им стройная система боевой подготовки, его передовые мысли по тактике, а также глубокое духовно-нравственное наследие наложили свой отпечаток на отечественный военно-морской флот и дальнейшее развитие военно-морского искусства.

В определённой степени флотоводческое наследие адмирала Ушакова исследовано отечественными историками и теоретиками, однако, несмотря на это, нельзя сказать, что оно было всесторонне проанализировано и обобщено. Профессор Н.Л.Кладо по этому поводу справедливо заметил: «А что значение Ушакова и его достойного ученика и преемника в работе в области русского военно-морского искусства — Сенявина не понимали и продолжают не понимать и теперь, показывают факты»². В результате отсутствия добротных теоретических разработок по названной проблеме уже в советское время появилось множество необоснованных оценок, касающихся вклада адмирала в развитие военно-морского искусства, и противоречивых суждений, значительно искажающих подлинное значение флотоводческого наследия Ф.Ф.Ушакова.

Историки советского периода, справедливо упрекнув дореволюционных военно-морских теоретиков в отсутствии соответствующей оценки деятельности адмирала Ф.Ф.Ушакова, детально не вникнув в историю вопроса, приписали Ушакову все приоритеты в развитии морской тактики эпохи парусного флота. Вследствие этого появились утверждения о нарушении им канонных (норм, подлежащих неукоснительному соблюдению) «закостенелой линейной тактики». В военно-исторических трудах отмечалось и отмечается по сей день, что Фёдор Фёдорович пренебрёг устоявшимися правилами ведения морского боя, не держался устава, «яко слепой стены», и явился создателем новой «манёвренной тактики»³.

Более детальное исследование даёт основание утверждать, что до середины XIX века сам этот термин — «морская тактика» не нашёл в России, да и в ряде других стран, широкого применения. В обиходном употреблении продолжал использоваться термин «морские эволюции», и труды, посвящённые этим вопросам, имели соответствующие названия⁴. Как верно в конце XIX века заметил вице-адмирал С.О.Макаров, морская специальность «с древних времен считалась делом не теории, а практики... Именно так создавалось всё парусное дело, где каждая деталь вырабатывалась оцупью, на основании жизненного опыта... Многие офицеры ещё помнят то время, когда печатные руководства были весьма кратки и разные письменные заметки опытных адмиралов передавались из рук в руки»⁵.

Однако термин «эволюция» не в полной мере отражал суть тактики флота, и в некоторых случаях происходила подмена понятий, что видно и из определения, данного тактике в 1791 году адмиралом И.Г.Кинсбергом: «Морская тактика — есть искусство, научающее по некоторому утверждённому правилу производить все движения флота в рассуждении погод, ветров, моря и берегов нужные»⁶.

Первыми работами, в которых эти понятия разделялись, были лекции Л.П.Семечкина, изданные в 1868 году. Автор, в частности, заявлял по этому поводу: «Неверное определение морских эволюций словом “тактика” произошло по весьма понятной причине. Эскадренный бой всегда был и продолжает быть немислим без помощи эволюций. Во время парусных флотов эскадра сближалась для сражения, исполнив предварительно не малое число манёвров с целью приобретения наиболее выгодного положения. Все эти манёвры производились при строгом соблюдении эволюционных правил, которые подчинялись, в свою очередь, двум краеугольным основаниям — линии бейдевинда* и линии кильватера. Таким образом, характер движения флота перед боем был почти всегда один и тот же, и многие из его положений были даже предусмотрены и выяснены в эволюционной книге. Отсюда естественно произошло смешение понятий о морской тактике и эволюциях...»⁷.

Тем же автором было дано определение понятия «морская тактика», которая, по его мнению, «в обширном смысле своём есть наука боя на море, то есть свод выработанных мыслей о том, какие приёмы следует употреблять кораблям как при одиночном, так и при эскадренном сражении с целью обеспечения успеха или устранения возможной неудачи»⁸.

В 1880 году увидела свет работа Е.В.Березина, в которой обосновывался термин «тактика парусного флота»⁹. Трансформация этого термина — «тактика парусного флота» в термины «линейная тактика» (как явствует из нижеизложенного, по аналогии с линейной тактикой сухопутных армий XVIII в.) и «манёвренная тактика» произошла уже в трудах теоретиков 40-х годов XX века¹⁰.

В годы Великой Отечественной войны профессор Н.М.Коробков выступил с рядом статей, посвящённых боевой деятельности адмирала Ф.Ф.Ушакова и его вкладу в развитие военно-морского искусства¹¹. В них автор по аналогии с суворовскими принципами и тактикой, «которую установил на суше великий фельдмаршал», объявляет Ушакова создателем «активной морской маневренной тактики» и «решительным борцом с... западной линейной тактикой».

Мнение этого одного из самых известных на тот период времени исследователей истории Российского флота сформировало достаточно устойчивый взгляд на рассматриваемый вопрос, тем более что он удачно вписывался в идеологическую подоплёку новой трактовки русской истории.

Вполне закономерно, что в 1945 году в статье, посвящённой тактике адмирала Ф.Ф.Ушакова, вице-адмирал Ю.Ф.Ралль использовал практически то же понятие — «новая наступательная тактика»¹². С ним был солидарен и академик Е.В.Тарле¹³. В 1950 году капитан 1 ранга И.П.Зюзенков рассуждал о «тактике решительного боя»¹⁴, а в 1951-м капитан 1 ранга Р.Н.Мордвинов окончательно закрепил в научном обороте термин «манёвренная тактика»¹⁵, который впоследствии вошёл и в учебники¹⁶, и в энциклопедические издания¹⁷. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

* Бейдевинд — направление движения парусного судна, при котором угол между его диаметральной плоскостью и направлением ветра составляет 10—80° правого или левого борта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кладо Н.Л.* Этюды по стратегии // Морской сборник. 1913. №2. С.91.
- ² *Он же.* Введение в курс истории военно-морского искусства. СПб., 1910. С.374.
- ³ См.: *Тарле Е.В.* Адмирал Ушаков на Средиземном море. М., 1948. С.137; *Мордвинов Р.Н.* Адмирал Ф.Ф. Ушаков / Русское военно-морское искусство: Сб.статей. М., 1951. С.123; История военно-морского искусства: В 5 т. / Под ред. Р.Н.Мордвинова: Учебное пособие. М., 1953. Т.1. С.262, 265; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIIIвеке. М., 1958. С.642; *Золотарёв В.А., Козлов И.А.* Флотоводцы России. М.: ТЕРРА, 1998. С.124, 125; *Половинкин В.Н., Пыж В.В., Рузанкин А.Д.* Эволюция взглядов на роль и место военно-морских сил в обеспечении национальных интересов ведущих стран мира в Мировом океане. К 175-летию Военно-морской академии имени Н.Г.Кузнецова. М., 2002. С.30; *Захаренко М.* Ф.Ф.Ушаков — флотоводец мирового значения // Морской сборник. 2002. № 4. С. 47 и др.
- ⁴ *Гост П.* Искусство военных флотов или сочинение о морских эволюциях / Пер. с фр. СПб., 1764; Эволюция парусных судов. СПб., 1802. Рукоп.; Начальные основания морских эволюций. Для Морского кадетского корпуса. СПб., 1834 и др.
- ⁵ Цит. по: *Макаров С.О.* Рассуждения по вопросам морской тактики. М., 1943. С. 113, 114.
- ⁶ *Кинсберген И.Г.* Начальные основания морской тактики / Пер. с нем. Голенищева-Кутузова. СПб., 1791. С. 1.
- ⁷ *Семечкин Л.* Лекции о морской тактике и эволюциях. СПб., 1868. С.4, 5.
- ⁸ Там же. С. 1.
- ⁹ См.: *Березин Е.* Морская тактика. Часть историческая. СПб., 1880. С.41.
- ¹⁰ См.: *Андрущенко А.И.* Адмирал Ушаков. М., 1951; *Анциферов В.* Адмирал Ушаков. М., 1940; *Богомолов Н.А.* Адмирал Ф.Ф.Ушаков. М., 1944; *Зонин А.И.* Фёдор Фёдорович Ушаков. М., 1944; *Корниенко Д.И.* Великий русский флотоводец адмирал Ф.Ф.Ушаков. М., 1951; *Кровяков Н.* Русские в Корфу. М., 1943; *Носов Ф.В.* Адмирал Ушаков. Л., 1955; *Снегирёв В.Л.* Адмирал Ушаков: Очерк жизни и деятельности великого русского флотоводца. М., 1943; *Таланов А.* Адмирал Ушаков // Знамя. 1941. №4. С.142—160.
- ¹¹ *Коробков Н.* Творец решительной и смелой тактики // Красный флот. 1942. 9октября; *Он же.* Адмирал Ушаков — создатель русской военно-морской тактики // Красный флот. 1944. 22марта; *Он же.* Творец русской наступательной морской стратегии // Красный флот. 1945. 14 октября.
- ¹² *Ралль Ю.Ф.* Наступательная тактика адмирала Ф.Ф.Ушакова // Морской сборник. 1945. № 7. С. 48.
- ¹³ *Тарле Е.В.* Адмирал Ф.Ф.Ушаков на Средиземном море в 1798—1800гг. // Морской сборник. 1945. №11. С.124.

- ¹⁴ *Зюзенков И.П.* Русское военно-морское искусство во второй половине XVIIIвека. М., 1950. С. 3.
- ¹⁵ *Мордвинов Р.Н.* Адмирал Ф.Ф. Ушаков // Русское военно-морское искусство: Сб.статей. М., 1951. С. 123.
- ¹⁶ *Козлов И.А.* История военно-морского искусства: Учебник. М., 1963. С.103; История военно-морского искусства: Учебник. М., 1969. С.57.
- ¹⁷ Советская военная энциклопедия: В 8т. М., 1980. Т. 8. С.242; Военная Энциклопедия: В 8т. М., 2004. Т.8. С. 15.

ИСТОРИЯ ВОЙН

ГРИЩЕНКО Алексей Николаевич —

*аспирант кафедры Отечественной истории новейшего времени исторического факультета
Южного федерального университета (г. Новочеркасск)*

НЕУДАВШАЯСЯ ДОНСКАЯ ВАНДЕЯ

Возглавив в мае 1920года крымскую Русскую армию, генерал-лейтенант П.Н.Врангель, использовав отвлечение основных сил Красной армии на польский фронт, овладел Северной Таврией с целью дальнейших наступательных действий в направлении Дона, Донбасса и Москвы. Однако расширение военных операций требовало не только соответствующего материально-технического обеспечения, но и пополнения людскими ресурсами. Не удавшаяся мобилизация крестьян Северной Таврии заставила Врангеля искать поддержки в казачьих областях Дона и Кубани: барон рассчитывал укрепить свою опорную базу, получить достаточное количество продовольствия и — уже обученное и вооружённое — пополнение из числа не принявших советскую власть казаков. С этой целью врангелевский штаб спланировал две операции: в июле 1920года десант полковника Ф.Д.Назарова на Дон, в августе — десант генерал-лейтенанта С.Г.Улагая на Кубанское побережье Азовского и Чёрного морей. Оба предприятия провалились: основная масса донского и кубанского казачества врангелевцев не поддержала. Всё же в сентябре Врангель начал активные действия по захвату Донбасса, но потерпел поражение. Между тем в случае удачи Ф.Д.Назарова и С.Г.Улагая нельзя исключать возможности антибольшевистского восстания в обширных казачьих областях, что в значительной степени изменило бы военно-политическую обстановку на юге России. Если об улагаевском десанте на Кубани имеется достаточно полная информация, то об июльском десанте Ф.Д.Назарова, как и о нём самом, историография Гражданской войны даёт весьма скудные сведения. В предлагаемой вниманию читателей статье автор, опираясь на серьёзную источниковую базу, в том числе центральные и местные архивы, подробно рассматривает подготовку десанта Ф.Д.Назарова, анализирует

причины его неудач, подчёркивает оперативность советских спецслужб и командования сил Красной армии в борьбе с врангелевцами на Дону.

В истории российского Белого движения и антибольшевистского сопротивления имеется ещё немало малоизученных страниц, нуждающихся ныне в более пристальном рассмотрении. К числу таковых относится сюжет с проникновением в Донскую область врангелевского десанта под руководством казачьего полковника Фёдора Дмитриевича Назарова, слывшего непримиримым противником большевиков¹.

Операция по высадке десанта готовилась тщательно и заблаговременно. Ответственность за практическую реализацию плана была возложена на атамана Всевеликого войска Донского генерал-лейтенанта А.П.Богаевского, ставка которого располагалась в Евпатории. По его поручению в середине мая 1920 года на Дон отправился полковник Ф.Д.Назаров, миссия которого состояла в выяснении сложившейся в области обстановки и реорганизации существовавшего в нижнедонских округах белогвардейского подполья. С поставленной задачей полковник справился успешно: он установил связь с организацией офицера Лапина и на её основе сформировал в Новочеркасске «Штаб спасения Дона» во главе с полковником Карповым. В начале июня в Черкасском, Ростовском, 1-м и 2-м Донских округах уже имелись законспирированные подпольные организации, которые должны были при приближении врангелевских войск возглавить массовое антибольшевистское восстание². Тем более, что предпосылки к подобному сценарию имелись: казачество, успевшее сполна испытать на себе политику «военного коммунизма», уже создавало местные повстанческие отряды. Так, к концу первой декады июля 1920 года на Дону, Кубани и Тереке действовали 3 батальона численностью в 13100 штыков и сабель при 50 пулемётах и 12 орудиях³. Свои вооружённые формирования имело и белогвардейское офицерское подполье. Всё это, безусловно, вселяло надежду на успех задуманной операции, которая в конечном итоге должна была привести к созданию на территории Дона и Кубани широкого плацдарма для борьбы с советской властью. Чтобы быстрее проникнуть в нижнедонские округа, десанту Назарова предстояло высадиться на побережье Азовского моря.

С целью поиска наиболее подходящего места высадки морская разведка врангелевского флота постоянно прощупывала побережье от Генчического до Бердянска и Мариуполя. Особенную активность флот проявил в устье Таганрогского залива накануне высадки десанта, что привлекло внимание советского командования. 6 июля 1920 года штаб Азовской флотилии сообщал об обнаружении сторожевым судном «Данай» к югу от косы Долгая белогвардейской канонерской лодки «Страж» и судов «Пашич» и «Азовец». Прибывшие из Мариуполя пароход «Фанагория» с плавбатареей «Свердлов» на буксире и канонерская лодка «Знамя социализма» открыли огонь по кораблям противника, которые поспешили ретироваться⁴. Тем не менее командование РККА приняло меры по усилению обороны наиболее опасных участков побережья, а охрану участка от западного берега Миусского лимана до станицы Синявская возложило на части Управления формированием (Упраформа) 1-й Конной армии (1КА), переданные в подчинение командованию Юго-Западного фронта⁵. В конце июня командование Кавказского фронта отдало приказ 9-й Кубанской армии в связи с попытками противника к высадке десанта произвести перегруппировку и сосредоточить силы в угрожаемых районах, передислоцировав одну стрелковую дивизию южнее станицы Матвеев Курган⁶. Разведка Юго-Западного фронта сообщала, что противник «обнаруживает стремление» развивать наступление в восточном и северо-восточном направлениях⁷, а Донской корпус генерала Ф.Ф.Абрамова уже перегруппирован и сосредоточен между Азовским морем и железной дорогой Верхнетокмак — Фёдоровка.

Опасность возможного восстания в казачьих областях с достаточной ясностью осознавали в Кремле. Председатель Реввоенсовета Республики Л.Д.Троцкий прямо заявил о попытке Врангеля перенести свой «операционный базис» на территорию Дона и Кубани и при опоре на местные силы создать Кавказское крыло Крымского фронта. Восстания на Дону, Кубани, Тереке, угроза захвата Баку — всё это предоставило бы белым «...и солдат, и хлеб, и нефть. Это посерьёзнее Крыма», — констатировал Троцкий⁸.

Основу белогвардейского десанта, его костяк составляли донские офицеры из резерва — представители округов и станиц, в которых они должны были возглавить восстания против советов, и казаки старших возрастов. При этом политические предпочтения назаровцев оказались достаточно широки, среди них находились даже представители «автономно-легальных профсоюзов из лагеря меньшевиков»⁹. Один из первых исследователей истории назаровского десанта Мария Львовна Масалова, сотрудник Ростовского областного архива ВКП(б), автор неопубликованной статьи «Разгром десанта полковника Назарова (1920г.)» (1941г.), отмечала, что агитационный аппарат будущего десанта возглавлял некий «плехановец Шолкович». Кроме того, в отряде находился собственный священник¹⁰.

Формирование десанта проводилось Назаровым с 17июня в Евпатории, 1июля возглавляемая им группа была переброшена из Евпатории в Керчь. Сформированный отряд включал в себя два пехотных казачьих дивизиона, сотню кубанских казаков, партизанский дивизион, офицерскую и инженерную сотни и комендантскую команду. Отряд имел два полевых трёхдюймовых орудия, один броневик, грузовую машину и радиостанцию, действовавшую на 150—200вёрст. На вооружении также находились 32пулемёта: 24 «Виккерса», 6 «Льюисов» и два «Максима».

Врангелевская флотилия — миноносец «Живой», канонерские лодки «Алтай», «Грозный» и «Страж», две десантные баржи и четыре катера — с десантом на борту 7июля вышла из Керчи, а 9июля на рассвете, пройдя через минные заграждения, высадила врангелевцев западнее Таганрога на Кривой косе. Ещё до восхода солнца отряд ушёл обратно в море. По свидетельству очевидцев, на судах были подняты красные флаги¹¹. Возможно, этим и объясняется, что морские силы красных пропустили вражеские корабли. Тем не менее первые сообщения о подходе неизвестных судов поступили утром 9июля от дислоцированного на Кривой косе поста связи Азовской военной флотилии. Правда, воспрепятствовать высадке связисты не могли. Но видели, что десант направился в сторону станицы Ново-Николаевской, что в 6км от Кривой косы. Забегая вперёд, отметим, что, захватив станицу, назаровцы арестовали руководство местного Совета и объявили мобилизацию всех мужчин в возрасте от 17 до 55лет (по другим данным — от 16 до 60лет), а затем приступили к реквизиции лошадей, фуража и продуктов. Все подступы к захваченной станице спешно укреплялись, началась запись добровольцев, за счёт которых десант увеличил свою численность до двух тысяч человек. В перехваченной радиограмме назаровцев сообщалось о якобы массовом антибольшевистском настроении всего населения, которое пополняет собой ряды врангелевцев. Судя по всему, Назаров рассчитывал занять близлежащие волости и продвигаться в направлении Матвеева Кургана и далее в Донскую область¹².

По вопросу о численности назаровского десанта существует довольно широкий диапазон мнений: от 800 до 1800человек¹³. В новейшей историографии численность десанта определена в «900 донских казаков»¹⁴.

В середине 1950-х годов московскими историками была высказана довольно любопытная версия событий, происходивших 9июля 1920года на Кривой косе. Их позиция заключалась в следующем. В июле 1920года на северном побережье Азовского моря был высажен не один назаровский

отряд, а два небольших десанта с целью «глубокой разведки Донской области». Первый из них численностью в 1000 человек высадился восточнее Мариуполя и занял Ново-Николаевскую, но уже 9 июля врангелевцев уничтожили кавалерийские части и силы Азовской военной флотилии. Этот десант, в задачу которого входило отвлечение на себя советских войск, был успешно ликвидирован. Однако он тем самым способствовал успешной высадке на Кривой косе под Таганрогом назаровского десанта в 800 бойцов, которому удалось прорваться в центр Донской области, где он увеличился за счет «скрывавшихся белогвардейцев» до 1500 человек¹⁵. Правда, эта версия не получила достаточно широкого распространения. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Назаров Фёдор Дмитриевич — донской казак, уроженец станицы Ново-Николаевской Области войска Донского (ныне — посёлок Новониколаевский Волгоградской области). Относительно даты его рождения имеются существенные разногласия. Эмигрантский «Казачий словарь-справочник» указывает 1890 г. (приблизительно), а современная энциклопедия «Казачество» — 1880 г. (См.: Казачий словарь-справочник. Т. II. Сост. Г. В. Губарев, ред.-издатель А. И. Скрылов. М., 1992. [Репринтное издание. Сан-Ансельмо, Калифорния, 1968]. С. 197; Казачество. Энциклопедия. М., 2003. С. 217). В юности Ф. Д. Назаров работал в железнодорожных мастерских, затем вместе с родителями уехал на Дальний Восток. Сдав во Владивостоке экзамен на народного учителя, работал таковым до Первой мировой войны. В войну — прапорщик 4-го Донского запасного полка, председатель полкового комитета. С фронта вернулся в чине хорунжего, открыто выступал против большевиков, принимал участие в боях за занятый красными частями Ростов, был ранен. Во главе сформированного им партизанского отряда принял участие в Степном походе походного атамана П. Х. Попова, в 1919 г. произведён в полковники, командовал полком в группе генерала М. Н. Виноградова, входившей в состав Добровольческой армии. После разгрома отряда он попал в плен, но совершил побег, позднее был задержан с подложными красноармейскими документами как дезертир, а затем зачислен рядовым в один из караульных батальонов. Участник «Белой боевой организации», созданной в сентябре 1920 г. в окружной станице бывшим интендантом назаровского отряда полковником Моторыгиным. Когда ДонЧК провела массовые превентивные аресты, Назарову удалось скрыться. В ноябре 1920 г. Назаров эвакуировался из Крыма с частями врангелевской армии, в дальнейшем его пребывание зафиксировано в Болгарии, где в 1922 г. он входил в руководство «Донской демократической группы». В том же году он отправился на Дальний Восток, стал командиром повстанческого отряда в Азиатском корпусе генерала Унгерна. Разгром белогвардейских отрядов в Монголии заставил его перебраться в Маньчжурию, затем в Китай, где Назаров принимал участие в набегах на пограничные районы Советской России. Участвовал в событиях на КВЖД 1929 г., после поражения ушёл со своим отрядом на территорию Маньчжурии. В дальнейшем Назаров продолжал совершать нападения на пограничные населенные пункты Советского Приморья, в одной из таких стычек летом 1930 г. попал в окружение у станции Пограничной и застрелился. По другим данным, он погиб на Дальнем Востоке несколько ранее, в 1928 г.

² *Степаненко Б. И.* Борьба с вооружённой контрреволюцией в бывших казачьих областях Юга России и её разгром (март 1920—1922 гг.). Ульяновск, 1977. С. 27; Чекисты Дона. Очерки. Ростов

н/Д, 1983. С.13; Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 641. Л. 1.

³ *Степаненко Б.И.* Крушение контрреволюции на Дону, Кубани и Тереке в 1920 году // Вопросы истории. 1976. № 9. С. 20.

⁴ *Липатов Н.П.* 1920 год на Чёрном море. Военно-морские силы в разгроме Врангеля. М., 1958. С.174; *Иванов В.И.* Советское строительство на Дону. 1920 год. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1962. С.114, 115.

⁵ Вся 1КА с 17апреля по август 1920г. входила в состав Юго-Западного фронта (А.И.Егоров).

⁶ Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Сб. документов. М., 1969. С.507; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922гг.). Сб. документов: В 4т. Т.III. Апрель 1920г. — 1922г. М., 1974. С.324, 325, 327.

⁷ Гражданская война на Украине. 1918—1920. Сб. документов и материалов в трёх томах, четырёх книгах. Т.3. Крах Белопольской интервенции. Разгром украинской националистической контрреволюции и белогвардейских войск Врангеля. Март—ноябрь 1920г. Киев, 1967. С. 238, 239.

⁸ Цит. по: 9-я стрелковая Донская дивизия. Исторический очерк к десятилетию существования / Под ред. Г.А.Зиновьева и Л.А.Менджерицкого. Ростов н/Д, 1930. С. 18.

⁹ Там же. С. 19; Белые генералы... С. 325.

¹⁰ ЦДНИ РО. Ф. 910. Оп. 2. Д. 174. Л. 7.

¹¹ *Степаненко Б.И.* Борьба с вооружённой контрреволюцией на Дону и Кубани и её разгром (март 1920—1922гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1972. С.40; ЦДНИ РО. Ф.910. Оп.3. Д.170. Л.8, 9.

¹² *Берз Л.И., Хмелевский К.А.* Героические годы. Исторический очерк. Ростов н/Д, 1964. С. 333; ЦДНИ РО. Ф.12. Оп.5. Д.138. Л.25, 29.

¹³ См.: Гражданская война. 1918—1921. Оперативно-стратегический очерк. Т.III. М.; Л., 1930. С.487; *Зотов С.* Первая Конная армия на врангелевском фронте // Красная конница. 1938. №10. С.30; *Черноплицкий П.Г.* Повстанческое движение крестьян и казаков Дона в 1920—1922гг. // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 3. С.5; *КорчинМ.Н.* Донское казачество. (Из прошлого). Ростов-н/Д, 1949. С.186; *Степаненко Б.И.* Борьба с вооружённой контрреволюцией на Дону... С.40.

¹⁴ *Карпов Н.Д.* Трагедия Белого Юга. 1920 год. М., 2005. С.243.

¹⁵ *Коротков И.С.* Разгром Врангеля. М., 1955. С.137, 138; *Кузьмин Н.Ф.* Крушение последнего похода Антанты. М., 1958. С.281, 282.

ИКОННИКОВА Татьяна Яковлевна —

заведующая кафедрой отечественной истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор (г.Хабаровск)

ОПОЛЧЕНСКИЕ ДРУЖИНЫ ПРИАМУРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В 1914—1917 ГГ.

Начало Первой мировой войны 1914—1918 гг. вызвало проведение массовой мобилизации не только регулярных войск, но и ополченских дружин. В них по высочайшему манифесту призывались все мужчины возраста от 21 до 43 лет, способные носить оружие. Если о службе ополченцев прошлых веков, особенно начала XVII века, Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. имеется множество публикаций, то история ополченцев Первой мировой войны практически пребывает в забвении. На примере дружин, расквартированных в 1914—1917 гг. в Приамурском военном округе, автор предлагаемой читателям «Военно-исторического журнала» статьи попыталась восстановить историю их службы.

Общая численность ратников российского ополчения призванных в 1914 — начале 1917 года составила 6,18 млн человек¹. Это были войсковые единицы, равные по численности полку и объединявшие лиц, отслуживших в кадровой армии. Они отбывали свой срок в запасе и призывались во время военных действий как для ополчения действующей армии (Ополчение 1-го разряда), так и тыловой, т.е. нестроевой службы (Ополчение 2-го разряда)².

После отправки с Дальнего Востока на фронт Восточно-Сибирских полков и других регулярных военных соединений встал вопрос о замене их ополченскими дружинами. Они были объединены в VIII Ополченский корпус. Его командиром был назначен генерал-майор Мандрыка, который 12 ноября 1914 года прибыл в Хабаровск и принял управление корпусом³.

Первые ополченские дружины прибыли в округ осенью 1914 года. Их список был зафиксирован в приказе по округу и включал 22 подразделения. Также в этот список частей Государственного ополчения, расквартированных в Приамурском округе, входили соединения, указанные в таблице 1.

Историк В.Н.Зуев пишет: «В Приамурском военном округе располагался VIII Ополченский корпус из 3 бригад в составе 31 дружины. Из них 20 концентрировались в пограничных городах Благовещенске, Хабаровске, Спасске, Никольск-Уссурийском и Владивостоке. Для охраны от хунхузов ополчение было усилено артиллерией — 6 лёгкими батареями»⁴.

Следует подчеркнуть, что состав VIII Ополченского корпуса постоянно менялся и отнюдь не составлял нечто постоянное в течение всей Первой мировой войны. Уже в декабре 1914 года из состава 49-й ополченской бригады были само управление бригады и три пешие Пермские дружины (291, 292, 293-я). Оставленные 289 и 290-я дружины этой бригады, а также 49-я сапёрная ополченская полурота были переведены под начальство 46-й ополченской бригады. В мае 1915 года из состава Ополченского корпуса были 46, 49 и 51-я сапёрные ополченские полуроты⁵.

При встрече прибывавших ополченцев командованию Приамурским военным округом прежде всего бросалось в глаза, что «многие нижние чины, магометане, носят с разрешения командира дружины (274-й. — Т.И.) тубетейки»⁶. Если этот случай ещё мог быть хоть как-то объясним, так как был отмечен в декабре 1914 года, то посетив в мае 1916 года ополченские части Шкотовского гарнизона, временно командующий войсками округа Нищенков пришёл в ярость. В специальном приказе по округу от 30 мая 1916 года было отмечено: «Попадались нестриженные люди. Один

ратник был в строю в лаптях, как выяснилось потому, что отдал свои сапоги в починку, а запасных сапог в роте нет. Дневальный на моё приветствие кивнул головой и не умел ответить, хотя на службе уже 9 месяцев. Татары почти совершенно не говорят по-русски. Их следует учить как новобранцев, назначив им учителя»⁷.

Решив проверить боевую подготовку, Нищенков убедился, что пулемётная команда «ещё ни разу не выезжала в поле, хотя приказами войскам округа установлено, что выезд в поле обязательно производить три раза в неделю. Люди не знали как расположить пулемёт на позиции и не имеют никакого понятия о расстоянии между пулемётами на позиции»⁸. Придя к выводу, что ополченцы совершенно не готовы к будущим боям на фронте, командующий приказал арестовать на длительный срок начальника пулемётной команды зауряд-прапорщика Балакова.

Нарушения в подготовке ополченцев отмечались постоянно. Так, в августе 1915 года в 721-й Симбирской дружине было обнаружено: «некоторые нижние чины не знали, кто командир дружины, что в дружине есть знамя и что на нём изображено. Нижние чины не имеют воинского вида, попадают такие, которые на приветствие кланяются»⁹. Посетив боевые стрельбы в 4 роте 728-й Самарской дружины, Нищенков был крайне возмущён тем, что из 100 мишеней оказались поражёнными 32, причём было выпущено 2236 пуль. И такие примеры крайне слабой боевой подготовки и знания уставных отношений можно продолжить.

С недостатками решено было бороться ещё в 1914 году. Самым первым методом стала усиленная работа с командирами дружин и рот. Им вменялось в кратчайшие сроки не только добиться знания устава нижними чинами, но и усилить боевую подготовку личного состава. Особое место должна была занять так называемая «просветительская работа», которую традиционно выполняла в армии русская православная церковь. Духовно-нравственное воспитание нижних чинов возлагалось на бригадных священников, которые в течение особенно зимнего периода должны были вести соответствующие часовые беседы с нижними чинами не реже, чем два раза в месяц. На этих беседах присутствовали все православные нижние чины (не более чем из двух рот), из «иноверцев» — только желающие.

Для большинства ополченских подразделений был утверждён свой годовой праздник (см. табл. 2), связанный с церковно-православным календарём и именами святых. Эти дни объявлялись праздничными. Ополченцы освобождались от работ, получали дополнительное питание. Центром торжеств являлось посещение церкви и присутствие на молебне.

К таким праздникам готовились заранее. Они должны были поднимать дисциплину и укреплять внутренний дух ополченцев. Однако священники не справлялись с возложенными обязанностями. При проверке в декабре 1916 года временно командующий войсками округа специальным приказом отметил слабость знания православных молитв.

Поскольку большинство дружин, размещённых в Приамурском военном округе, было сформировано в губерниях с высоким процентом мусульманского населения, то среди них наблюдалось своеобразное отношение и к другим идеологическим кампаниям. Например, 12 декабря 1916 года Николай II обратился с высочайшим приказом по армии и флоту. Его смысл состоял в подведении итогов войны, шедшей уже более двух лет. Этот документ было приказано «трижды (в течение трёх дней) прочесть в каждой роте, сотне, батарее и команде, а затем вывесить на видном месте в помещениях нижних чинов»¹⁰. Однако временно командующий войсками Приамурского военного округа был серьёзно встревожен тем, что многие из

опрошенных им лично ополченцев даже «не знали главной обязанности солдата — защищать Царя и Отечество»¹¹. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С.76.

² Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. С.559.

³ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Инв. №1530. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1914г. Приказ (Пр.) №824.

⁴ Зуев В.Н. Сухопутные силы России на Дальнем Востоке в канун октября 1917года. Структура, дислокация, численность // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Сб. науч. трудов. Владивосток, 1994. С. 50. Особое недоумение вызывают утверждения некоторых авторов о числе ополченских дружин, прибывших в округ. Так, А.Е.Сбытов пишет: «В Первую мировую войну... из Сибири и Поволжья на Дальний Восток прибыли три дружины» (См.: Гродековские чтения. Тезисы науч.-практич. конференции. Хабаровск, 1996. Ч.1. С.51).

⁵ ГАХК. Приказы войскам... за 1914 г. Указ. соч. Пр. № 921; Приказы войскам Приамурского военного округа за 1915 г. Инв. №1529. Пр. № 255, 280.

⁶ Там же. Приказы войскам... за 1914 г. Пр. № 929.

⁷ Там же. Приказы войскам... за 1916 г. Инв. № 2298. Пр. №253.

⁸ Там же. Приказы войскам... за 1916 г. Пр. № 254.

⁹ Там же. Приказы войскам... за 1915 г. Пр. № 421.

¹⁰ Там же. Приказы войскам... за 1916 г. Пр. № 605.

¹¹ Там же. Пр. № 587.

ИЗ ФОНДОВ ВОЕННЫХ АРХИВОВ

ХРИСТОФОРОВ Василий Степанович —

*начальник управления регистрации и архивных фондов ФСБ России, генерал-лейтенант, доктор
юридических наук (Москва)*

ХОХЛОВ Дмитрий Юрьевич —

кандидат исторических наук (Москва)

ГЕНЕРАЛ ДВУХ АРМИЙ

По материалам архивного уголовного дела № Р-48022

Судьбы бывают разными. С этим не поспоришь. Но одни люди, как говорится, сами себя делают и подчиняют собственную судьбу своей воле, другие плывут по течению и радуются удачному стечению обстоятельств, пока вдруг не оказываются перед пропастью. О таких обычно говорят: без вины виноватые. Примерно так и сложилась судьба Густава Юрьевича Ионсона, родившегося 7 января 1880 года в эстонском селе Куду.

Судя по тому, что юноша, окончив реальное училище в Тарту, поступил в Рижский политехнический институт, Ионсоны были людьми состоятельными, а сам Густав — далеко не бесталанный человек. Так бы и стать Густаву Юрьевичу инженером, если бы не первая русская революция. Рижский «политех» в 1905 году закрыли, а когда он возобновил свою деятельность, то Ионсона за участие в студенческой сходке из института исключили. Для продолжения образования пришлось ехать в Германию. В Дрездене он поступил в Высшее техническое училище, но к таким расходам Ионсоны оказались не готовы, и Густав возвращается домой. Здесь, согласно закону о всеобщей воинской повинности, его забирают в армию. Служит он исправно, даже сдаёт экзамены на прапорщика запаса. После возвращения из армии возобновляет обучение в политехническом институте, затем — поступление на работу в Рижскую Палату мер и весов, где и работает до 1914 года.

Грянула Первая мировая война. Густава мобилизовали в армию. Он дослужился до чина капитана — командовал батареей во 2-м Кавказском корпусе, который в составе Кавказской армии вёл успешные бои против турок.

Началась Февральская революция. В апреле 1917 года эстонские земли выделяются в отдельную провинцию, которой была предоставлена автономия. В конце октября 1917 года в Эстонии устанавливается советская власть, в феврале 1918 года провозглашается независимость, и с ноября 1918 года по июль 1919 года существует эстонская советская республика, так называемая Эстляндская трудовая коммуна. Густав Юрьевич, ещё осенью 1917 года вернувшись в Таллин, зачисляется в национальные военные формирования, направляется в г. Вильянди, где командует кавалерийским эскадром. Приблизительно в феврале 1918 года новые власти распускают национальные формирования, Ионсона задерживают красногвардейцы и направляют в Петроград, где он был заключён в знаменитые «Кресты». Впрочем, вины за ним никакой не обнаружилось, Густава вскоре отпустили, а вернувшись домой, он узнал, что теперь в Эстонии хозяйничают немцы, которые воссоздали национальные воинские формирования. Волей-неволей Ионсону пришлось в них служить командиром команды связи. В апреле немцы упразднили национальные войска, в ноябре 1918 года совсем покинули Эстонию. Новым эстонским

правительством Ионсон снова мобилизуется в армию: ему поручается формирование кавалерийского полка, что он и сделал. Интересно, что этим полком, будучи в чине капитана, он командовал с конца 1918-го до 1921 года. Уже и власти два раза сменились, и бывший «советский» полк теперь участвовал в боях против Красной армии под Нарвой, Выррово-Мариенбургом, Панцковии-Лавры, у Чудского озера. За участие в этих боях командир полка заработал немало наград, в том числе получил 50 гектаров земли и хутор. В 1921 году подающего надежды офицера направляют в Эстонскую военную академию (Таллин), которую он успешно оканчивает в 1923 году и вместе с группой офицеров во главе с помощником военного министра эстонской армии генерал-майором Лилем едет во Францию, так сказать, на стажировку. Эстонцам показали кавалерийскую школу в Семьюле, лагерь Брежани. Париж после маленького Таллина показался им мегаполисом.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

БОЧАРОВ Алексей Алексеевич —

доцент кафедры истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ИЗ ИСТОРИИ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1906—1916ГГ.

Для вооружённых сил любого государства актуальной является проблема поддержания дисциплины и правопорядка среди личного состава. Её решение немислимо без определённой системы наказаний военнослужащих, совершивших преступления во время прохождения службы. В Морском ведомстве России во второй половине XIX — начале XXвека существовали места заключения для осуждённых матросов — исправительные учреждения.

Первым из таких учреждений стала созданная в 1864году военно-исправительная тюрьма Морского ведомства в Санкт-Петербурге. В составе Черноморского флота подобное учреждение, организованное в 1883году, получило название военно-исправительной плавучей тюрьмы, так как размещалось на бывшем корвете «Память Меркурия», поставленном на мёртвые якоря в одной из бухт Севастополя. Военно-исправительные тюрьмы постепенно перестали удовлетворять потребности Морского ведомства в местах заключения для нижних чинов. С 1880-х годов некоторые осуждённые матросы для отбывания наказания направлялись в дисциплинарные части армии. События революции 1905—1907гг. показали необходимость наличия на флоте собственных учреждений для содержания осуждённых.

В 1906году в Кронштадте был создан временный морской дисциплинарный батальон для содержания осуждённых матросов Балтийского флота. В батальон могли зачисляться и осуждённые нижние чины сухопутных частей гарнизона Кронштадта. Это подразделение возглавлял командир, назначавшийся приказом Кронштадтского военного генерал-губернатора

по согласованию с главным командиром флота и портов Балтийского моря из числа штаб-офицеров флота. Командир батальона состоял в ведении Кронштадтского военного генерал-губернатора. Помощник командира назначался приказом Кронштадтского генерал-губернатора по представлению командира батальона. Другие офицеры утверждались приказом Кронштадтского генерал-губернатора по выбору командира батальона. Врач подразделения, лекарские помощники, фельдшеры и санитары назначались по распоряжению главного медицинского инспектора Кронштадтского порта. В штат батальона входили также комиссар — чиновник, заведовавший денежными суммами, имуществом подразделения, и священник.

Батальон состоял из рот численностью не более 75 заключённых нижних чинов каждая. Роты делились на полуроты, а полуроты — на взводы. Постоянный кадровый состав нижних чинов включал кадровый состав рот, предназначавшийся для несения охранной и конвойной службы и обучения заключённых, и общебатальонный кадровый состав — для удовлетворения административных и хозяйственных потребностей всего батальона. Кадровый состав каждой роты состоял из фельдфебеля, четырёх взводных командиров, каждый из которых командовал непосредственно и одним из отделений своего взвода, четырёх отделённых командиров, командовавших теми отделениями взводов, которые не находились в непосредственном подчинении взводного командира, и одного горниста или барабанщика. Фельдфебели и взводные командиры назначались из числа старших береговых боцманов или кондукторов флота, отделённые начальники — из унтер-офицеров. Нижние чины, которыми комплектовался батальон, должны были быть грамотными, иметь хорошее поведение и относиться к числу лиц, не подвергавшихся наказаниям по суду¹.

В батальоне имелся комитет, состоявший из помощника командира и ротных командиров под председательством командира батальона. В совещаниях комитета участвовали также священник и врач. Комитет обсуждал мероприятия, касающиеся применения правил содержания заключённых².

Таким образом, особенностью организации и деятельности Кронштадтского временного морского дисциплинарного батальона стало его подчинение не руководству морского ведомства, а военному генерал-губернатору Кронштадта. В то же время батальон финансировался за счёт морского ведомства, был укомплектован офицерами и нижними чинами Военно-морского флота и предназначался для содержания в первую очередь именно осуждённых матросов. Эти обстоятельства и позволяют рассматривать его деятельность в рамках истории Военно-морского флота. Кронштадтский морской дисциплинарный батальон прекратил своё существование в конце 1907 года.

В июле 1907-го главный военно-морской прокурор Н.Г.Матвеев обратился с докладом к российскому императору Николаю II. В докладе излагались принципы организации постоянной дисциплинарной воинской части флота. Предполагалось сформировать в Архангельске флотский экипаж для содержания осуждённых матросов и присвоить ему наименование «Дисциплинарный экипаж». На него распространялись бы правила содержания заключённых, касающиеся дисциплинарных батальонов армии, «с теми отступлениями от этих правил, которые объясняются особенностями военно-морской службы и местными условиями». Экипаж должен был быть укомплектован офицерами и нижними чинами кадрового состава в соответствии со штатами дисциплинарного батальона военного ведомства³.

30 июля 1907 года Николай II соизволили принять указанные меры⁴, в соответствии с которыми был создан Архангельский флотский дисциплинарный экипаж. В августе того же года 239 заключённых

при 8офицерах, казначее, лекарском помощнике, 12кондукторах, 15 унтер-офицерах и 27 матросах кадрового состава двумя эшелонами, под конвоем двух рот 148-го Каспийского пехотного полка прибыли в Архангельск. Для размещения экипажа отвели морскую казарму в Соломбале⁵. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 1149. Оп. 1. Д. 45. Л. 1—3.

² Там же. Л. 8об., 9.

³ Там же. Ф. 417. Оп. 2. Д. 2566. Л. 1, 2.

⁴ Там же. Ф. 227. Оп. 1. Д. 298. Л. 296.

⁵ Там же. Л. 11; Всеподданнейший отчёт по Морскому министерству за 1906—1909гг. СПб., 1911. 1 отдел. С. 87.

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ ОТЕЧЕСТВА

ХАЗИН Андрей Леонидович —

член Совета Федерации Федерального собрания РФ, заместитель председателя Комитета Совета Федерации

по экономической политике, предпринимательству и собственности (Москва)

ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ ОРДЕНСКИХ ПОЖАЛОВАНИЙ

Наградная практика первой четверти XVIIIвека во многом соответствовала идеям Петра I о воздаянии за верную службу подданных, высказанным в законодательных актах, публицистике и проекте устава ордена Св.Андрея Первозванного. Об отношении царя к преданным людям свидетельствуют записи А.Нартова: «Неблагодарных людей государь ненавидел... Заслуженных и верных сынов Отечества Пётр Великий награждал скоро чинами и деревнями, а за долговременную службу при отставке давал полное жалованье... Государь говорил: "...Инако

служить неохотно, когда за верность и службу нет награды»¹. В проекте устава 1720года определялось, кому и за что должен был даваться орден Св.Андрея Первозванного: «...в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и Отечеству оказанные заслуги, а другим для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолюбия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние».

При отсутствии достаточного количества наградных документов того времени, что, вероятно, связано с имевшей место традицией устных указов или с тем, что рескрипты о награждениях не сохранились в семейных архивах, особое значение для исследователей имеют списки, составленные Н.Н.Бантыш-Каменским на основе ведомостей Коллегии иностранных дел. В первой четверти XVIIIвека орденом Св.Андрея Первозванного были награждены 39человек: русские кавалеры (24) в основном за военные подвиги, а также главы европейских государств — союзников России и иностранные дипломаты, оказавшие различные услуги Российскому государству.

Первый орден, возможно, предназначался для любимого и верного друга царя, его первого наставника — Ф.Я.Лефорта, но в ночь на 2марта 1699года он скончался. Первое официальное награждение орденом Св.Андрея Первозванного состоялось 10марта* 1699года в Москве. ПётрI возложил орден на генерал-адмирала и будущего генерал-фельдмаршала Ф.А.Головина². Это был один из ближайших соратников царя, человек незаурядный, обладавший выдающимися военными и дипломатическими способностями. Его стараниями Россия заключила «вечный мир» с Польшей в 1686году, а также Нерчинский трактат (1689), определивший границу России с Китаем и способствовавший расширению очень выгодных торговых связей с этой страной. Головин вместе с думным дьяком П.Б.Возницыным и швейцарцем Ф.Я.Лефортом возглавлял знаменитое Великое посольство, в составе которого русский царь впервые совершил заграничное путешествие. После получения ордена Св.Андрея Первозванного Головин добился ещё больших успехов в карьере, возглавляя два важнейших в государстве приказа — Воинских морских дел и Посольский.

Вторым кавалером ордена Св.Андрея Первозванного в год заключения Константинопольского мира с Турцией стал 8февраля 1700года печально известный гетман И.С.Мазепа за победоносное завершение Азовских походов³. Возможно, его награждение было связано с особым отношением центральной власти к Украине, которая, войдя в состав России в 1654году, в начале XVIIIвека оставалась ещё достаточно самостоятельным регионом, что для Москвы было важно в условиях неудачного начала Северной войны. Награждение гетмана произвёл лично ПётрI в знак особого благоволения во время приезда Мазепы в Москву.<...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

* Здесь и далее — по старому стилю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом. СПб., 2001. С.81, 82. Сам А.Нартов, советник Академии наук, за свои изобретения и усовершенствования в изготовлении пушечных стволов и

уничтожении дефектов литья в медных и чугунных пушках именным указом Петра I был награждён денежной суммой. См.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.248. Кн.464. Л.722—799.

² По другим данным, Ф.А.Головин, как и умерший в 1699г. Ф.Я.Лефорт, имел звания генерала и адмирала отдельно. Первым генерал-адмиралом большинство исследователей считает Ф.А.Апраксина (1708).

³ Сведения о награждении Мазепы приводятся во всех посвящённых ему исследованиях. См., например: *Яковлева Т.Г.* Мазепа-гетман: в поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. 2003. №4. С.45—63; *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М., 2007 и др.

ВОИНСКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

РОСТОВ Николай Дмитриевич —

*доцент Алтайского государственного технического университета имени И.И.Ползунова,
подполковник запаса, кандидат исторических наук (г.Барнаул)*

ПОДГОТОВКА СНАЙПЕРОВ ДЛЯ ФРОНТА В СИБИРСКОМ ВОЕННОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Главным критерием подготовки снайперских кадров являлись суровые требования фронта. Поэтому изучению опыта снайперов Великой Отечественной войны в учебных подразделениях уделялось большое внимание. В снайперских комсомольско-молодёжных спецподразделениях Всеобуча во внеучебное время практиковалось проведение бесед с бойцами о характере и действиях снайперов в бою. Их знакомили также с тактикой мелких подразделений врага и его снайперов. Беседы иллюстрировались рассказами участников Великой Отечественной войны¹.

Большое внимание пропаганде фронтового опыта уделялось и в наглядной агитации. В 26-й окружной школе снайперской подготовки Забфронта оформлялись информационные доски «Бывшие курсанты — участники Отечественной войны», на которых помещались выдержки из писем, фамилии орденосцев с указанием, за что награждены. Имелись также доски отличников, монтажи с указанием особенных правил стрельбы и опытом снайперов Отечественной войны, таблицы по теории стрелкового дела². В изучении фронтового опыта командованием снайперских школ Сибири широко использовалась переписка с выпускниками школ. Письма бывших курсантов-выпускников, особенно орденосцев, и описание отдельных боевых эпизодов обсуждались на политических занятиях, в беседах, приводились в докладах докладов³.

В 26-й школе отличных стрелков снайперской подготовки Забфронта в декабре 1944года велась переписка с 483 выпускниками⁴. Фронтвики-выпускники благодарили за обучение науку побеждать, делились своими успехами, приобретённым боевым опытом и давали курсантам

практические советы и рекомендации. «Научились мы снайперскому делу неплохо, и это нам очень пригодилось на практике в боях. Я теперь думаю, что изучать нужно всё, что преподают. Без этого погибнем», — писал в письме с фронта командиру взвода лейтенанту Богданову гвардии сержант Наумов⁵. «Учитесь метко стрелять, презирать трусость, ибо трус на поле боя это большой враг... Прививайте в себе терпеливость, она нужна как воздух», — обращался в своём письме с фронта к курсантам родной снайперской школы старший сержант А.П.Осипов⁶. Фронтникам-выпускникам писались коллективные письма, в которых курсанты брали обязательство в совершенстве овладеть снайперским делом. Письма зачитывались перед курсантами и обсуждались на собраниях⁷. По завершению собрания сержантов 26-й снайперской школы Забфронта в мае 1944года, на котором обсуждались письма фронтовиков старших сержантов Осипова и Леонова, командир роты лейтенант Ахмадуллин сказал: «Буду работать ещё напряжённее, чтобы таких героев на фронте было ещё больше»⁸. 5июня 1944года перед отправкой 960 выпускников на 1-й Украинский фронт всем курсантам 26-й снайперской школы Забфронта было зачитано письмо старшего сержанта А.П.Осипова с описанием бессмертного подвига выпускника школы Леонова, который в критический момент шестичасового боя, обвязавшись гранатами, бросился под немецкий танк и ценой собственной жизни выполнил боевую задачу. О подвиге выпускника во всех учебных подразделениях школы были проведены беседы⁹.

В целях формирования высоких морально-боевых и психологических качеств курсантов в снайперских школах Сибири использовались самые различные формы и методы воспитательной работы. Организовывались торжественные приёмы военной присяги молодым пополнением, вручение боевого оружия, показ военной техники. В учебных подразделениях проводились собрания, беседы, в ходе которых курсанты знакомились с историей Красной армии, подвигами русских солдат в многовековой военной истории Отечества¹⁰. Приняв боевое оружие из рук командиров, курсанты 27-й учебной стрелковой дивизии СибВО Бабаев и Зеленцов заверили своих товарищей: «Будем честно учиться военному делу, мастерству истреблять немецких захватчиков»¹¹. <...>

Полный вариант статьи читайте в бумажной версии «Военно-исторического журнала» и на сайте Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 12.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф.57. Оп. 12305. Д. 91. Л. 6.

² Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф.П-165. Оп. 1. Д. 12. Л. 64 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 131.

⁵ Там же. Л. 132.

⁶ Там же. Л. 70.

⁷ Там же. Л. 64 об.

⁸ Там же. Л. 72 об.

⁹ Там же. Л. 69.

¹⁰ Там же. Л. 1 об.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 8230. Оп. 90317. Д. 1. Л. 260 об.

ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ

Кудренко Владимир Константинович —

старший лейтенант запаса (г. Омск)

МОНГОЛЬСКОЕ ТУРНЕ БИЙСКОЙ ДИВИЗИИ

В первую неделю февраля 1979года резко обострился конфликт между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам (СРВ). Китайская армия более 60раз совершила обстрел вьетнамской территории. МИД СРВ заявил протест китайской стороне. 16числа был опубликован меморандум Министерства иностранных дел Вьетнама. Но война всё-таки началась. В ночь с 16 на 17февраля 130тыс. солдат и офицеров Китая при поддержке авиации вторглись во Вьетнам. В новостях мелькали названия: провинция Лонгшон, мост через реку Красная. 20февраля «Красная звезда» сообщила, что в столкновениях с вьетнамскими пограничниками и ополчением агрессор несёт большие потери. Выведено из строя 4000солдат, 100танков. В этом же номере были опубликованы заявления Правительства СРВ и Советского комитета защиты мира. 27февраля 1979года Китай перебросил к границе свежие силы.

3марта было опубликовано «Заявление Советского правительства», в котором говорилось: «Китайские войска должны быть выведены из пределов Вьетнама... Должны быть немедленно прекращены военные демонстрации на границах Лаоса и подготовка вторжения в эту страну. Китайские агрессоры должны знать, чем больше преступлений они творят, тем суровее будет расплата за них». Но агрессор не унимался. 6марта ЦК Компартии Вьетнама выступил с очередным обращением. Руководством нашей страны было принято решение: провести в Монголии ежегодные учения войск Сибирского и Забайкальского военных округов. Их провели весной, а не летом, как обычно. «Военно-исторический журнал» предлагает своим читателям очерк* очевидца и участника тех далёких событий.

Призыв

После праздника 8марта на Алтае начался призыв резервистов в Бийскую дивизию. Мобилизованных из запаса в народе называют «партизанами». Призывали офицеров, рядовой и

сержантский состав. Мобилизации подлежали и автомобили: ГАЗ-66, ГАЗ-69, КАМАЗ. Призыв носил такой массовый характер, что население начало с постепенным ускорением расхватывать спички, сигареты, муку, макаронные изделия, крупу, сахар и мыло. Рассказывали про бабушку, которая купив ящик спичек, не смогла дотащить его до дома, пришлось просить о помощи прохожих.

В Павловской передвижной механизированной колонне (ПМК) треста «Барнаулводстрой», где я работал после окончания института, мобилизовали только двух лейтенантов и ГАЗ-66 с водителем. Меня призвали 13 марта 1979 года во второй половине дня. Повестку принесли на работу в ПМК. Сослуживцы сразу собрались в моём кабинете. Все слышали и читали каждый день про китайско-вьетнамскую войну, все знали, что идёт призыв резервистов для отправки в Монголию, но никто не знал надолго ли и во что этот призыв выльется. Вручив соседу ключи от пустой квартиры с автономным водяным отоплением, поехал в военкомат. В тот же вечер меня и ещё двух офицеров отправили в Барнаул на военкомовском джипе ГАЗ-69А. В Барнауле скомплектовали группу из 20 офицеров и на автобусе повезли в Бийск. 14 марта во второй половине дня привезли в Бийскую дивизию. Перед вечером начали развозить по полкам, развёрнутым прямо в поле. Мобилизованная техника стояла большими квадратами. Я никогда раньше не видел гектар бензовозов или гектар КАМАЗов, гружёных снарядами. Всё это поражало воображение, вселяло уверенность в мощности наших войск и надежду, что воевать мы не собираемся. Иначе не располагали бы технику так сосредоточенно.

Когда подъехали к полку 122-миллиметровых гаубиц, которые я изучал в институте на военной кафедре, и спросили добровольцев, мои колебания были недолгими. Институтские знания потом неоднократно выручали нашу батарею. Обмундирование выдали не совсем по размеру. Шапка была на четыре размера меньше — 58, а остальное всё в пору, хотя и ношенное.

Выезд

Меня назначили старшим офицером батареи, почти весь рядовой и сержантский состав которой состоял из призванных из запаса сержантов и солдат различных родов войск. В артиллерии не служил никто. Только наводчики прошли двухмесячные военные сборы: кто год, а кто два года назад. Как потом выяснилось, справиться с замком гаубицы, чтобы открыть затвор, не могли и они. Пришлось научить. Кадровым военным был только комбат — капитан Буравнёв, переведённый в артиллеристы год назад из десантников по состоянию здоровья. Ещё было шесть водителей срочной службы — по одному на каждом «Урале-375», тащившем гаубицу образца 1938 года. Интересно было осознавать, что эта гаубица так долго служит армии. С такими орудиями послевоенные годы служил вычислителем в береговой артиллерии на Сахалине мой отец — сержант запаса Кудренко Константин Ванифатьевич. Его рассказы я часто вспоминал при изучении военного дела на военной кафедре. Но он говорил, что к концу его службы эти гаубицы уже меняли на 152-миллиметровые.

Автомобили стояли на консервации с прошлых учений, были чисто вымытые, подкрашенные, смазанные. В наш тягач были загружены снаряды, матрасы, около полсотни пар валенок, хотя каждый уже получил их по паре. Под тентом стояла печка «буржуйка». Каждая машина была оборудована горным тормозом: при езде в горах сзади на метровых цепях тащился поперёк дороги кусок двутавра длиной два с половиной метра. Если автомобиль начинал катиться назад, двутавр попадал под колёса, цепи натягивались, и машина останавливалась. При езде по асфальту и равнине двутавр подвешивался к раме. Гусеничная техника была уже в Монголии. Её экипажи переправляли к месту учений на военно-транспортных самолётах.

На период учений меня назначили ещё и старшим машины. Со мной в кабине сидели два водителя, а в кузове под тентом — расчёт орудия — 7 человек. 15 марта наш артиллерийский полк выехал на Чуйский тракт в сторону границы. На Алтае говорят так: ты ещё не видел Алтая, если не был в его голубых горах. Если не осматривал красоты Чуйского тракта, не любовался загадочным и задумчивым Телецким озером. Город Бийск расположен в предгорье Алтая.

Первое, что бросилось в глаза при выезде из военного городка, это не красоты Чуйского тракта, а обилие стоящей по обочинам военной техники. Остановившиеся из-за поломки военные автомобили стояли через каждые 50—100 метров. Мобилизованная же, потрепанная и изношенная в народном хозяйстве техника без поломок и остановок упрямо двигалась к намеченной цели. Остановился и наш «Урал». Выяснилось, что под капотом машины в прошлом году из-за замыкания проводки был пожар, последствия которого, вроде бы, устранили. Вместе с призванным из запаса водителем мы установили, что в машине не работает генератор, а зарядки аккумулятора хватило только на сутки. Пока мы выясняли причину поломки, наличный состав расчёта развёл костёр, бойцы грелись на обочине дороги.

Подъехал на новом «УАЗе» генерал-лейтенант, заместитель командующего округом. Я доложил причину остановки. Он сначала обматерил меня, потом стоящего у костра сержанта, спросил, не подвести ли ему к костру ещё «бабу и водки». Приказав мне быстро отремонтировать машину, генерал уехал. А я задумался: ведь это я, гражданский, по сути, человек должен спросить с него, почему техника дивизии, которая должна стоять в полной боевой готовности, оказалась так плохо готова к походу. И это он получает за её боеспособность деньги на своей основной работе.

Через час около нас остановилась машина ремонтной роты нашего полка. Генератора у них не оказалось, они дали нам заряженный аккумулятор, пообещали привезти генератор в течение суток.

К границе

Чуйский тракт сразу за Горно-Алтайском вьётся по крутым берегам Катуня. Нередко дорога подходит вплотную к горам. Вспоминаю уроки геологии, горы вокруг — из мрамора. Где-то неподалёку знаменитое озеро Манжерок и озеро Айское. Алтай в переводе на русский язык означает «золотые горы».

Наш тягач работал на дефицитном в народном хозяйстве бензине АИ-93. Организованной заправки не было. Сначала нам сказали ехать пока не кончится топливо, потом остановить любой проезжающий бензовоз и заправить бак. Как всегда, хорошо получилось только первое. Проезжающие мимо бензовозы не останавливались. Наконец мы залили два ведра низкооктанового бензина. Переехали через Семинский перевал (высота 2000 м над уровнем моря). Здесь находится монумент, посвящённый добровольному присоединению алтайского народа к России. Вскоре доехали до заправки, там стояли бензовозы. Их водители получили другой приказ: заправлять только на специальных площадках. Здесь же лежали огромные резиновые мешки шириной около шести метров и длиной около двадцати. В них был бензин. Заправились и стали догонять свой дивизион. То же делали и другие отставшие. Наступала ночь. Дорога давно уже шла не по равнине, начались бомы: слева — скала, справа — пропасть. Каждый стремился догнать своих, начались настоящие гонки. Потом стемнело окончательно, стало видно только синие габаритные огни впереди идущей машины, и гонки прекратились. Ехали всю ночь. Водители менялись, а старший машины должен был бодрствовать. Днём переезжали второй

перевал — Чикет-аман, ещё одно название — Тёщин Язык. Там перевернулся бронетранспортёр, при этом происшествии погиб высовывавшийся наполовину из люка офицер.

Второй ночью в машине вырвало плохо прикрученный нижний резиновый патрубок, и весь тосол вылился. В горах было холодно, около минус 40. Пока водители сходили за водой в ближайшую деревню, все остальные сильно замёрзли. Дрова кончились. Пришлось вытаскивать отдельных бойцов из-под тента кузова и заставлять двигаться. Поехали дальше. Дорога всё ещё шла по скалистому берегу Катуня. На ней лёд застывает не так, как на равнинных реках, а слоями, с уступами и наледями. Утром видели на заснеженных склонах сопки много горных козлов.

Выяснилось, что у нашей гаубицы сорвало резьбу болта крепления шасси. Нашли стремянку, прикрепили ось к лафету, поехали дальше. В Кош-Агаче поставили стремянку со второй стороны гаубицы. Здесь, в Кош-Агачском районе заканчивается Чуйский тракт. Горная степь на высоте два километра над уровнем моря. Летом — жара, зимой — морозы до 60°. Чуйский тракт — дорога дружбы. Как говорится в рекламных проспектах: «Тысячи машин идут по ней с грузами для Монгольской Народной Республики». В этом селе я встретил однокурсника Вячеслава Кудачина. Он рассказал, что Чуйский тракт был закрыт для гражданского транспорта уже неделю, всё это время по нему двигалась военная техника. Славку не призвали на сборы. Он и помог мне найти вторую стремянку. А наших однокурсников Коротковых в Кош-Агаче не было, они уехали в отпуск.

Мы догнали свою батарею и после обеда подъехали к границе СССР. Замполит полка собрал офицеров и сказал, что это будут просто учения, поскольку китайцы воевать с нами ещё лет десять не будут готовы. Рассказал, что наша страна сделала Китаю второе предупреждение. Западные газеты пишут, а радиостанции говорят о демонстрации силы с нашей стороны и бряцании оружием. На этот раз они правы. Это так и есть.

Два моих солдата без разрешения пошли в магазин за сигаретами в Ташанте, и тут колонна тронулась к границе. Наши пограничники проверили документы у всего артиллерийского дивизиона, записали фамилии двух отставших, и пропустили всё подразделение через границу. Отставшие догнали нас через час.

Было 17 марта 1979 года. Никто тогда не знал, что до ввода наших войск в Афганистан оставалось меньше десяти месяцев, и что там всё будет уже по-настоящему. Но не все ошибки и просчёты наших учений оказались учтены в той, настоящей войне.

За границей

Монгольские пограничники нас даже не считали. Я видел только одного из них, который шёл навстречу колонне какой-то задумчивый или поникший. Сразу у границы стояли развалины каменных строений — одни стены. Все деревянные детали жилых домов отсутствовали. Казалось, кто-то хотел поселить кочевников в дома, но те не прижились. Примерно в десятке километров одна от другой встречались круглые юрты. Кочевники пасли овец, верблюдов. Пастухи сидели на низкорослых монгольских лошадёнках. Пейзаж вокруг был истинно марсианский: ровная, как стол, песчано-гравийная пустыня кирпичного цвета и округлые темно-вишнёвые гранитные скалы, стоящие отдельно друг от друга, но закрывающие весь горизонт. Ни деревьев, ни кустика. Не хватало только метеоритных кратеров, пирамид Сидонии и марсианского сфинкса. [...] Развалины цивилизации, как я уже упоминал, присутствовали. Карт нам не давали. Я вспомнил картинку из учебника географии для шестого класса и определил, что мы уже в пустыне Гоби.

Снега не было. Его можно было найти в бугорках вокруг кустиков верблюжьей колючки под слоем песка. Из-за поднимающейся пыли колонна шла не верёвочкой. Ветер относил пыль от автомобиля в одну сторону, а водитель следующей машины делал отступ в другую. Ширина потока достигала, таким образом, до полукилометра, в зависимости от рельефа. Дорога больше напоминала широкий аэродром с песчано-гравийным покрытием.

Аборигены

Аккумулятор нашей машины разрядился окончательно. Мы остановились ночью на объездной дороге, в полукилометре от основного потока машин. 18 марта на рассвете увидели недалеко две юрты. Сначала к нам подъехал хитрый старый монгол на маленькой лошадке. Русского языка он не знал, но на вопрос: «Сколько до Улан-Батора?» — написал на песке: «150». Это было в десять раз меньше действительного расстояния, если считать в километрах. Подъехал другой монгол лет двадцати. Вскоре я увидел, как сержант пытается обменять у него валенки на водку, но они друг друга не понимали. Разговорников нам не приготовили. Тут я подумал, что поскольку сухой паёк нам не выдали, наступило время вспомнить монгольский язык, которому меня учил однокурсник Боря Ойдопов, он же Дугар Очирович по паспорту, он же Бабасан по комсомольскому билету, бурят по национальности, проходивший срочную службу в армии на территории Монголии. Я подошёл к высоким договаривающимся сторонам:

— Сан байн у, компан!

Услышав родную речь, абориген просиял от радости и ответил мне на приветствие, а сержант тут же уступил мне место «за столом переговоров».

— Нэх валенок — нэх архи! — сказал я, показывая один валенок, и высокие договаривающиеся стороны сразу же пришли к согласию. Ещё выменяли сыр и хлеб. [...]

Чтобы иметь надежду попасться на глаза своей ремонтной роте, я ходил на дорогу и попросил проезжающих пехотинцев на бронетранспортёре подтащить нас поближе к основной трассе. В этом путешествии я впервые прокатился на броне БТР. А уже через полчаса к нам подъехал командир ремроты с новым генератором.

Утром 19 марта мы остановились около небольшого посёлка. Каменные пятиэтажки и одноэтажные особняки без оград и огородов стояли вперемежку с группами юрт по восемь—десять, обнесённых общим забором. Там же стояли мусорные баки. Везде — чистота, порядок. Мы подъехали к магазину, где уже остановилось много военной техники из числа догоняющей свои подразделения. У местных покупателей в магазине мы поменяли рубли на тугрики: 5 рублей — 20 тугриков. Рубли им нужны были для отправки детям, обучающимся в советских институтах. Здесь, в посёлке уже все жители изучали русский язык, общались легко. А цены оказались необычные. Водка — дороже в 10 раз, чем у нас. Пачка сигарет «Солнышко» стоила здесь около 80 копеек, а в СССР — 10, банка тушёнки стоила в Монголии 16 копеек. Кроме тушёнки мы ещё взяли компот из ананасов. Я ел их впервые. Набрали хлеба. Паёк нам так и не давали с тех пор, как мы отстали от своей батареи. У меня было два килограмма запасённого из дома солёного сала, которым я кормил только водителей.

Местные жители предлагали меняться сувенирами. Мне давали две шкуры рыжей лисы за механические часы, но я отказался. Часы нужны командиру на учениях. Выменял бронзовую монету — 1 тугрик. На ней было написано на монгольском языке: «бугд найрамдал монгол ард

улс». Хотел выменять монгольский комсомольский значок, показал наш советский одному монголу, спросил:

— У вас комсомол есть?

Но он не понял:

— Комсомол — нет, водка есть! Часы давай.

В одном месте прокатился на низкорослой местной лошадке. Выяснилось, что лошади у них понимают команду «Стоп» только на монгольском языке. Направил лошадь к хозяину. Тот её остановил.

ГАИ не было, из дорожных знаков только «Прочие опасности», который предупреждал и о поворотах, и о сужениях дороги, и о крутых подъёмах и спусках. Монголы ездили на мотоциклах «Иж-Планета» без колясок по трое, и в «газиках» тоже по трое, а в «ЗИЛах» — по пятеро. На них были полушубки на одной верхней пуговице. Подпоясаны они в талии цветным, завязанным бантом, отрезом материи. [...]

Тревожная ночь

Ехать ночью по чужой стране, отстав от своих, без карты и компаса очень сложно. Ночью старшим машины спать запрещалось, хотя ко сну клонило сильно, особенно под утро, тем более, что днём не высыпался из-за желания посмотреть незнакомые места. Перепробовав все методы борьбы со сном, прибегал к самым радикальным. Когда глаза уже совсем начинали слипаться, вставлял в дупло коренного зуба с оголённым нервом обломок спички и сжимал челюсти. Резкая боль возвращала к бодрствованию. Жёстко, но эффективно. В предыдущие годы были случаи, когда машины ночью уезжали в Китай. Это означало отсидеть там, в тюрьме, на воде и рисе лет десять за нарушение границы. На одних учениях машина съехала с обрыва, когда все в кабине уснули, а в другой раз уснувшие въехали в ствол гаубицы предыдущей машины.

Эта ночь была полна происшествий. Сначала потёк дополнительный бензобак. Перелили топливо в основной бак и канистры. При этом потерялся мой поясной ремень. Потом мы едва не наехали на лежащую без лафета гаубицу. Кто-то не заметил в ночи, как его орудие осталось, а шасси уехало.

Потом сбились с пути и упёрлись в какое-то высохшее русло древней реки с обрывистыми берегами, но Полярная звезда рассказала, где — север, а где — Поднебесная. Поехали на восток. Догнали какую-то колонну. Поднялся сильный ветер, вся пыль от колонны летела по воздуху. Истинно марсианские пыльные бури. Когда в трёх метрах справа от нас в клубах пыли промелькнула юрта, я приказал отъехать медленно в сторону и остановиться. Заночевали. В десять утра мы догнали своих.

Учения

Мы успели получить паёк и боевой приказ. Главные учения начались 21марта в одиннадцать. Развернули орудия стволами на юг. Кто-то говорил, что до Китая 10километров, кто-то — 50, толком не знал никто. На нас с юга двигались танки с широкой белой вертикальной полосой на боках. Взрослые мальчишки играли в войну. Мы стреляли холостыми зарядами по наступающим танкам, они — по нам. Вспомнил команды, которые нас учили подавать на военной кафедре:

— Стрелять батарее, по танкам, холостым. Заряд полный! Прицел двадцать, левее ноль, ноль, шесть. Один снаряд зарядить! Огонь!

Опять в воздухе носилось много пыли. Летали на малой высоте реактивные истребители, сотрясая нас децибелами рёва. Пехоте выдали патроны с пластиковыми пулями. Они стреляли. У нас тоже были автоматы АКС калибра 5,45мм, но без патронов. А офицерам вообще оружие не выдавали. Наши пистолеты ехали в обозе. Границ наших учений не было видно. Пыль и самолёты наблюдались до самого горизонта слева и справа, спереди и сзади.

Китайско-вьетнамская война как-то сразу и закончилась. 22марта газета «Красная звезда» вышла со статьёй «Победа вьетнамского народа». Что писали о наших учениях зарубежные средства массовой информации, мы не знали, но своё задание: напугать — мы выполнили. Это очень мудро: побеждать, не воюя. Потом один майор, особист (работник особого отдела), из «партизан» — начальник Павловских электросетей Дробышев рассказывал, что китайцы сильно испугались и бежали от границ два дня. Другие говорили, что китайцы в один день распушили бы нашу Бийскую «партизанскую» дивизию. Но они про боеспособность нашей дивизии ничего не знали, а мы к ним не сунулись. Из Забайкальского военного округа войск на учениях было больше. На другой день мы сложили оставшиеся боеприпасы на площадку, укрыли брезентом, оставили охрану. Почистили стволы орудий. [...]

На север

Наш путь лежал к Улан-Батору, к станции Хонхор. До него — около 800километров. Первое дерево в Монголии мы увидели уже после учений, нарисованным на плакате. Потом по берегам речушек стали попадаться деревья, похожие на ивы. Пейзаж стал медленно приближаться к земному. Около столицы нас встретили сосны. На каждого из полутора миллионов монголов приходится по одному квадратному километру территории страны. Видимо, и деревьев тоже по одному.

Дисциплина падала, к месту погрузки, станции Хонхор отдельные экипажи рванули наперегонки. Несколько машин промахнулись и проехали по главным улицам столицы. Одна машина нашей батареи сломалась и не успела к общему отъезду. Погрузили технику на платформы. Личный состав батареи разместили в одном вагоне — «общем», по классификации министерства путей сообщений. Третьи полки тоже были заняты. Мест хватило не всем. Здесь я впервые стал начальником караула, на сборах после института доводилось быть только часовым. Поезд шёл на север. Вот и последний монгольский город — Сухэ-Батор. На родине, в Кяхте нас долго проверяли пограничники с собаками. Презумпция виновности. Потом мы узнали, что предприимчивые люди везли в Монголию стержни для шариковых ручек, часы, водку, сигареты, там всё поменяли на ковры, кожаные куртки, меха. Поскольку всё это рассказал замполит полка, стало понятно, что коммерческий успех сопутствовал далеко не всем.

По Сибири

В Улан-Удэ въехали ночью. Зато у Байкала остановились днём. Первый раз я видел его 5декабря 1976года, тогда он был незамёрзший. Ветер гнал волны. Сейчас, в апреле, Байкал покрыл лёд. Потом промелькнули Иркутск, Тайшет, Красноярск, Новосибирск, Бийск. Шла весна, прилетели первые перелётные птицы. Сильно подтаял снег, точнее, его почти не было, несмотря на задержку весны. Уезжал я на учения ещё зимой, в валенках и зимнем пальто. А сейчас люди на перронах стояли легко одетые, без шапок. По прибытию в военный городок начались пьянки личного

состава. Мы кое-как сдерживали своих бойцов, у нас в батарее не было ни одного серьёзного происшествия. [...]

Домой!

Из полагавшихся за сборы 24 рублей выдали 15. Остальные «попросили» на погашение недостачи потерянных ложек, кружек и прочего. Выдали документы, а подписку о неразглашении почему-то не взяли, что меня очень удивило. Перепрыгивая в валенках и зимнем пальто весенние лужи, я добрался до Бийского вокзала. Билетов не было. Один таксист набирал пассажиров до Барнаула по десять рублей с человека. Я согласился. Водитель и пассажиры по одежде узнали во мне демобилизованного. Посыпались вопросы. Я рассказывал о походе то, что можно было, по-моему, рассказывать. Мне сообщили, что в магазинах начали появляться макароны, крупы, мука, спички и сигареты. Во второй половине марта это всё расхватали. Одна попутчица сама помогала пожилой соседке затащить на второй этаж добытую где-то фанерную коробку сигарет объёмом в четверть кубометра. В Павловском военкомате мне сосчитали отработанные выходные дни, и я на неделю съездил к родителям. А в середине мая уволился с работы и уехал в родное Большеречье.

В начале июня в Большереченскую ПМК приехал лектор из Омска и прочитал лекцию о международной обстановке. Минут пять он рассказывал о китайско-вьетнамской войне и роли СССР в её прекращении. При всех я не стал ему задавать вопросов, а после его выступления хотел кое-что уточнить относительно дипломатических нот Китаю:

— Скажите, пожалуйста, перед вводом наших войск в Монголию, было второе заявление Советского руководства?

— Никакого ввода войск не было — ответил лектор. — Мы не вводили в Монголию ни одного солдата.

— Ну, одного солдата, а точнее, офицера, введённого в эту страну, вы можете посмотреть. Он перед Вами.

— Это были обычные ежегодные учебные сборы, — продолжал лектор.

— Наверное, Вам не всё разрешено рассказывать, но к обычным учениям, когда выезжает один полк, население Алтая привыкло и не расхватывает в магазинах продукты. И мобилизованная техника не исчисляется гектарами. И Чуйский тракт не закрывают на две недели для пропуска военной техники.

— Да, не всё можно рассказывать, — согласился лектор.

С тех пор прошло много лет, но отчётливо помнится обычный учебный поход армии Великой страны, которой я присягал на верность.

* При написании очерка автор использовал материалы газеты «Красная Звезда» (январь—март 1979г.). В статье сохранён стиль автора.

Павлов Александр Петрович —

полковник в отставке (пос.Колпна, Орловской обл.)

Вооруженцы 14-й гвардейской

Вернувшись из Одессы в Кишинёв, мы принялись за подготовку очередного мероприятия — трёхдневных сборов руководящего состава армии. Проводить их по плану предстояло на базе 59-й мотострелковой дивизии. Мне же придётся выступать в качестве дебютанта, поэтому нужно, как говорится, выложиться, используя соответствующий опыт, приобретённый ранее. Дело в том, что как в 14-й гвардейской армии, так и в 32-м корпусе, откуда я прибыл, все мотострелковые дивизии — сокращённого состава, поэтому на первом месте стоят вопросы мобилизационной готовности. А их, этих вопросов, у вооруженцев — безбрежное море, поскольку вооружение и боеприпасы являются неотъемлемой составляющей войскового организма. Однако мы решили своими силами и средствами решить лишь некоторые из них. Например, показать подготовку орудий отдельно взятой батареи к боевому применению, приведение танковой роты в боеготовое состояние, сущность механизации погрузочных работ на складе боеприпасов, роль лабораторного пункта при снаряжении боеприпасов, действия передвижного пункта при зарядке аккумуляторов к приборам ночного видения, каким должен быть внутренний вид железнодорожного контейнера, а также самодельного сейфа для хранения пистолетов.

Подготовка к сборам — ответственнейшее дело, требующее и больших трудозатрат, и напряжённого поиска оптимального решения вопросов мобилизационной готовности, и выработки чётких установочных указаний для дальнейшего практического воплощения рекомендаций в войсках армии. Насколько качественно нам удаётся подготовить учебные точки, доходчиво и убедительно донести во время занятия до аудитории суть предложений, настолько и будут достигнуты поставленные цели.

У каждого из нас имелся конкретный участок работы: капитан Чуваев занимался оборудованием образцовой ружкомнаты и подвижным пунктом для зарядки аккумуляторов, майор Нуреев подготавливал показ механизированной погрузки боеприпасов и лабораторный пункт по приведению боеприпасов в окончательно снаряжённый вид; майор Кепич готовил артиллерийскую батарею, а я взял на себя танковую роту.

У танкистов пришлось начинать почти всё с нуля, то есть комплектовать ящик со всей начинкой, а это: машинка Ракова для снаряжения пулемётных лент, выравнитель для снаряжения 12,7-мм патронов к пулемёту ДШК, материал для расконсервации вооружения (ветошь и обтирочный материал, растворитель, деревянные палочки для удаления смазки и скребки, сама смазка, контрольная проволока и пломбы), технологическая карта расконсервации вооружения, контрольно-выверочная мишень, приспособление для проверки противооткатных устройств танковой пушки (ПОУ). Последнее было одно на весь батальон, что тормозило время подготовки танков к боевому применению, потому что без проверки ПОУ, без уверенности в наличии тормозной жидкости или давления воздуха в противооткатных устройствах стрелять из танка после длительного хранения нельзя — можно вывести орудие из строя. Вместе с тем процедура проверки ПОУ довольно сложная и занимает значительное время. Ведь нужно замерить давление в исходном положении ствола, затем осуществить принудительный откат орудия и вторичный

замер. Для того же, чтобы ускорить проверку, нужно иметь больше приспособлений. Вот почему мы решили укомплектовать последними каждый танковый взвод, что сделать оказалось не так-то просто. Пришлось обращаться за помощью в округ и ехать на базу вооружения.

Сборы начались с выступления командарма и несколькими докладами непосредственно в аудитории. При этом генерал-лейтенант В.А.Востров много времени уделил заслушиванию командиров соединений и частей по планам мобилизационной готовности. Особенно дотошно он добивался полноты, ясности и конкретности в решениях.

На третий день сборов согласно расписанию проходили занятия на учебных точках. Собравшиеся разделились на несколько групп, в первую из которых были включены офицеры штаба армии во главе с командующим, командиры соединений и частей. Хотя на всех точках находились подготовленные руководители занятий, я всё же решил этой группе докладывать сам.

Внимательно слушая меня, вникая во все подробности, генерал-лейтенант Востров, обращаясь к командирам соединений и частей, говорил каждый раз: «Делать так!». Это звучало как высокая оценка, как награда за наш вооруженческий труд.

После доклада на последней учебной точке командарм пожал мне руку и сказал: «Стоите на правильном пути».

Как известно, за вдохновением следует и разочарование. Оно посетило меня одновременно с озвучиванием плана боевой и политической подготовки на 1979 год. Даже беглое ознакомление с этим документом вызвало у меня шок: армейские учения с развёртыванием ряда частей, боевые стрельбы на полигоне, инспекторские проверки, участие во фронтовых командно-штабных учениях совместно с Болгарской народной армией, боевые пуски ракет на государственном полигоне Капустин Яр — вот далеко не полный перечень значившихся в нем мероприятий.

Между тем в связи с предстоящими боевыми пусками ракет генерал-лейтенант Востров решил посетить ракетную бригаду и предложил мне ехать с ним. Для меня такое посещение — возвращение в молодость, в лейтенантские годы, ведь начинал я офицерскую службу именно в ракетных войсках.

...По приезду ранним утром к месту командарм объявил строевой смотр. Наблюдая за ним, прислушиваясь к его репликам, замечаниям, советам, я поражался тому, как у него устанавливается почти что сразу какая-то незримая связь с солдатами. Конечно, это не магия, а область психологии, вытекающая из личного обаяния, жизненного и воинского опыта, доступности, умения найти кратчайший путь к сердцу бойца.

...Строевой смотр, посещение столовой, казармы, парка, совещание с офицерами — все это заняло время до самого обеда.

Вскоре командарм уехал в Кишинев, я же остался в Бендерах, чтобы посмотреть работу расчётов на комплексных занятиях хотя бы нескольких батарей, а заодно проверить состояние наземного оборудования. Дело облегчалось тем, что выезжать никуда не нужно — комплексные занятия проводились здесь, в городке, за высокими полутораметровой толщины стенами бывшей цитадели. Она стоит в центре старинной крепости, где на расчищенной просторной площадке и проводились занятия.

Вечерком вместе с главным инженером бригады подполковником Дроновым и его офицерами мы подвели итоги дня. Выявилось много недочётов, которые было необходимо устранить: три грузовесовых макета для работы непригодны, их нужно списать; учебно-тренировочные ракеты — в ужасном состоянии (помяты стабилизаторы, заглушки ветровых болтов самодельные, лючки деформированы, нарушена герметичность двигателя); неисправен заправщик окислителя, к тому же на нём, как и на других заправщиках, отсутствуют алюминиевые вёдра, все они не выгорожены и хранятся вместе с остальной техникой; формуляры заполнены небрежно; вновь прибывший личный состав не знает своих обязанностей...

Сообща пришли в выводу: прежде чем ехать в следующем году на государственный полигон, вооруженцам бригады нужно хорошо потрудиться...

Было уже поздно, когда мы закончили все дела. Ночевать меня поместили в санчасти, которая размещалась в цоколе внешнего обвода крепостной стены. Некогда турки оборудовали здесь несколько укрытий на случай бомбардировки во время осады человек этак на триста каждое. Все укрытия, изолированные друг от друга, тянутся по кругу вдоль всей крепостной стены, имея отдельные входы с надёжными дверями. Узнав особенности древнего строения с толстенными стенами кирпичной кладки, со сводчатыми сверхпрочными потолками, покрытыми трёхметровой земляной подушкой, подумал, что такое укрытие не возьмёт и атомная бомба. Внутри помещение сохранилось в прекрасном состоянии, и я, оставшись один, долго рассматривал и его стены, и своды, и мемориальную табличку с указанием времени строительства и имени коменданта крепости — трёхбунчужного паши...

После коротких новогодних праздников вооруженцы 14-й гвардейской приступили к подготовке армейских командно-штабных учений. И без того тяжелейшее по насыщенности мероприятие, предполагавшее привлечение штабов соединений и частей, усложнялось отмотобилизованием с полным развёртыванием одного из мотострелковых полков 180-й мотострелковой дивизии, а также выходом в поле непосредственно подчиненных нашей службе ракетно-технических частей, которыми в ходе учения управлять предстояло именно мне.

Войсковая аксиома: чтобы управлять, нужно иметь средства связи, хорошо их знать и уметь ими пользоваться. К великому сожалению, я был лишён всех этих необходимых слагаемых. Своих средств связи нет, а если бы имелись, я их не знаю... Тем не менее в ходе подготовки решил пополнить свои знания. Начал с ПРТБ и ЗРТБ, со знакомства с соответствующей техникой, а это — более 20 единиц штатных радиосредств.

Профессионалы-связисты учатся своему ремеслу не один год, и мне, естественно, с наскоку их ведомством не овладеть. И всё же с помощью командира батареи управления капитана Ягудина я старался освоить радиостанции Р-140, Р-118, Р-125МТ, Р-125МП, Р-123, Р-102, П-240Т, П-240Т-1. Прежде всего уяснял их тактико-технические характеристики, схемы связи, интересовался, как они работают.

Кроме средств связи моей головной болью являлось развёртывание до штатов военного времени мотострелкового полка 180 мсд. Не будет преувеличением сказать, что учебное отмотобилизование в мирное время не проще, чем реальное в боевой обстановке. А, может, в чём-то и посложнее, если учитывать дополнительные задачи по обеспечению сохранности оружия, снабжения участников учения холостыми патронами и втулками для соответствующей стрельбы, имитационными средствами, пиротехникой, перезагрузки боеукладок танков и многое другое. Взять, к примеру, налаживание контроля за оружием с проверкой его наличия не реже трёх раз в

сутки. Вот как его осуществлять, если в мотострелковом полку свыше трёх тысяч единиц стрелкового оружия, рассредоточенных по сорока подразделениям, а вооруженцев вместе с прапорщиками всего четыре человека. Им, этим ответственным лицам, везде не успеть. Получается, что полковую контролируемую ячейку нужно усиливать вооруженцами со стороны.

Обычно основное внимание уделяется мотострелковым батальонам, однако ни в коем случае нельзя выпускать из поля зрения и мелкие подразделения. При этом контроль за наличием оружия следует вести не стихийно, а по графику, утверждённому командиром.

Беспокоит вооруженцев во время отмотобилизования и соблюдение мер безопасности при обращении с оружием и боеприпасами. В этот период вводятся в войсковой строй солдаты-запасники, отвыкшие от воинского порядка, от обращения с оружием, поэтому высока вероятность случаев травматизма и при погрузочно-разгрузочных работах с боеприпасами, при расконсервации вооружения. Конечно, от несчастных случаев застраховать не может никто, но вооруженцы должны многое предусмотреть. Например, необходимо иметь инструкции по безопасности. Их обязательно следует зачитывать перед началом работ. Не менее важна раздача в подразделениях кратких памяток по правилам обращения с оружием и боеприпасами. Да много и ещё других профилактических мер.

«Чтобы легче справиться с развёртыванием, — делился я своим опытом с начальником РАВ дивизии майором Ишмухашетовым, — нужно как можно больше вопросов решать заблаговременно в спокойной обстановке. Загрузить в кузова тягачей ГАЗ-66 полковые миномёты ПМ-120. Туда же — аккумуляторы к ночным приборам. Проверить противооткатные устройства орудий. Разгрузить боеукладку танков. Подготовить накладные на выдачу оружия с пономерным учётом на обороте. Заготовить ведомости закрепления оружия. Не забыть о приказе по части о его сохранности. Оборудовать ящики для вывозимого в поле оружия запорами, замками и приспособлениями для опечатывания».

Такой подробный инструктаж для майора был как никогда кстати. Ведь он ракетчик, никогда раньше в пехоте не служивший, только-только приступил к исполнению не совсем знакомых ему обязанностей. Нужно сказать, что он, деликатный молодой человек, не только внимательно выслушал и записал мои советы и указания, но и принял всё сказанное мной к исполнению.

Вместе с тем оставался нерешённым ещё один важный вопрос — трудоёмкое оборудование полевых ружкомнат в районе сосредоточения. Для его решения мы выехали на полигон Тарутино. Хотя была на исходе вторая декада января, погода выдалась теплая и слякотная, из-за чего полигон представлял собой скопище непролазной грязи. Полевые ружкомнаты, из расчёта одна на роту, предстояло оборудовать в палатках, обшитых внизу досками и выгороженных колючей проволокой. Оружие в них должно содержаться в штатных деревянных ящиках под замками. Обязателен номерной учёт, оформленный на фанерной дощечке, которая крепится к центральному столбу палатки. Здесь же — и фонарь дежурного освещения...

Впрочем, мои опасения подтвердились лишь наполовину. Работы по оборудованию ружкомнат, выстроившихся в одну линию, уже подходили к концу. Обследуя одну палатку за другой, мы уже было собрались возвращаться в дивизию, когда на нашу голову нагрянула окружная комиссия.

— Что за курятники вы тут нагородили? Разве обеспечат сохранность эти палатки? Безобразие! — набросились на нас хором проверяющие.

Мы молчали: с начальством лучше не спорить, тем более что палатки, действительно, не самое надёжное укрытие для хранения оружия. Но ведь и вины нашей по большому счёту в том нет. Эти вопросы скорее адресовать нужно тем, кто нас пытается укорять. Ведь здесь, на полигоне в Тарутино, можно было бы давно построить кирпичные ружкомнаты, поскольку на этом самом месте постоянно проходят сборы с приписным составом. Почему же никто этим не озаботился раньше, прежде чем мы, вооруженцы, оказались крайними?..

Между тем наступил февраль, и до начала собственно армейского учения остались считанные дни. К этому времени все войска и штабы, участвующие в учении, либо были выведены в районы, либо ожидали условного сигнала на выход в пунктах постоянной дислокации.

Само собой разумеется, что на полигоне Тарутино сосредоточился полностью развёрнутый до штатов военного времени и мотострелковый полк 180-й мотострелковой дивизии. Нужно сказать, что отобилизование этого полка прошло по службе РАВ без всяких срывов и нареканий, без нервотрёпки и эксцессов. Это, конечно, успех вооруженцев 180 мсд, добросовестно подготовившихся к мероприятию и пунктуально выполнивших все требования.

Примерно за сутки до начала учения было вручено учебное задание по исходной обстановке, и началась лихорадочная работа штабных офицеров. Например, нам нужно было склеить карты, нанести на них исходную обстановку, подготовить предварительные расчёты, составить графики, отдать предварительные распоряжения и, наконец, уточнить обязанности офицеров согласно распределению по пунктам управления.

Командных пункта три: просто командный (КП), запасный (ЗКП) и тыловой управления (ТПУ). Второй из них берет управление войсками на себя в случае выхода из строя основного КП. Следовательно сюда нужно назначать опытного офицера, который смог бы решать по службе все вопросы. Это, конечно, подполковник Сучков. Майор Нуреев следует на ТПУ и на него возлагается нелёгкая ноша обеспечения боеприпасами, тесное взаимодействие с тылом и курирование артиллерийским складом боеприпасов. Сюда же назначается и майор Кепич. Оба они фактически отрабатывают план артиллерийско-технического обеспечения (АТО), включая расчёт производственных возможностей реморганов по восстановлению неисправного вооружения. Ясно, что с ТПУ осуществляется материальное обеспечение боевых действий, поскольку без боеприпасов и вооружения нет и самого боя. Сюда бы нужно было назначать, как минимум, ещё двух офицеров, но где их взять?

Теперь, когда я, начальник службы РАВ, подчиняюсь непосредственно командарму, а в подчинении службы находятся ракетно-технические части, моё место — на КП. Следовательно, и все остальные офицеры тоже: капитан Чуваев отрабатывает карту, подполковник Шаров, помогая ему, пишет доклад и пояснительную записку, майор Власенко вместе с Шаровым отрабатывают план ракетно-технического обеспечения (РТО); майор Кокорин передает и принимает распоряжения, постоянно находится на связи с ракетно-техническими частями. Наверное, распределить обязанности между офицерами можно было бы и более рационально, но офицеры отдела сработались в таком варианте, и мы ничего не стали менять...

Учение началось как обычно: сбор по тревоге, постановка задач, выход в поле. Словом, как и на учениях в корпусе. Правда, перед принятием решения командарм вместе с командирами дивизий провёл занятие на местности. К этому мероприятию привлекли и меня. Когда находишься рядом с командармом, нужно быть готовым отвечать на всевозможные вопросы по своей специальности. От этого в немалой степени зависит авторитет любого вооруженца.

На этот раз в ходе рекогносцировки речь зашла о подсветке переднего края, и генерал-лейтенант Востров стал дотошно выпытывать у командиров дивизий, как и какими средствами это лучше сделать. Те переминались с ноги на ногу и молчали. Потеряв терпение, Владимир Андреевич перевёл взгляд на меня. Спрашивал, как говорится, без слов.

Что я на это мог ответить?

Набор осветительных средств включает в себя прежде всего патроны калибра 26, 30, 40 и 50 мм, осветительные мины к батальонному (82-мм) и полковому (120-мм) миномётам и, наконец, 122-мм гаубичные снаряды.

Осветительные патроны тем хороши, что они есть почти у каждого солдата и могут быть пущены в дело в любую минуту. Однако у них небольшая высота подъёма (90—120 м), малое время горения (6,5—8 сек) и недостаточная сила света (50—100 тыс. свечей). Правда, более мощные 40 и 50-мм осветительные патроны уже имеют время горения соответственно 20, 25 сек, радиус освещения 300, 320 м и силу света 247, 430 тыс. свечей. Те, что помощнее (82 и 120-мм) — осветительные мины — имеют время горения соответственно 35, 45 сек, радиус освещения — до 450 м, силу света — 300, 550 тыс. свечей. Наибольший эффект, конечно, дают 122-мм осветительные гаубичные снаряды (высота подъёма — до 700 м, время горения — 40 сек, радиус освещения — 500 м, сила света — 550 тыс. свечей), но для их применения нужна артиллерия, которой может и не оказаться. При взаимодействии с авиацией пехота обозначает со дна окопов свои позиции наземными сигнальными патронами, которые горят, словно пламя паяльной лампы.

Нужно сказать, что в своё время мы проводили занятия по всей номенклатуре имитационных и пиротехнических средств. Некоторые упускают из поля зрения специальные выстрелы (осветительные, дымовые, зажигательные, агитационные) и пиротехнические средства, а их как раз и спрашивают. Ни один командир не поинтересуется разлётом осколков осколочно-фугасного снаряда или гранаты, но вот характеристики специальных выстрелов нужно знать...

В ходе учения самым ответственным моментом для нас являлась передача боевых частей в ракетные дивизионы. Условный сигнал известен посреднику из штаба округа, и никто из нас не знал, когда и каким средством связи он воспользуется для его озвучивания. Чтобы миг оповещения не пролетел мимо наших ушей, майор Кокорин практически всё время находился возле радиостанции Р-140, да и мне тоже приходилось подолгу сидеть на связи. И всё же сигнал мы пропустили. Поднялся скандал. Посредник (не буду называть его фамилию) попросту поступил непорядочно: воспользовался какой-то периферийной радиостанцией с неопытным экипажем, который мало кого смог поставить в известность о начале учения.

Расследованием этого случая позже занимался начальник штаба округа генерал Свиридов, но что толку — мы-то получили «тройку». Обидно! Сколько готовились, сколько трудились, сколько измеси́ли грязи, провели бессонных ночей! Одно утешение: многому научились.

Завершилось многотрудное мероприятие, после которого мы, как водится, сжигали использованные документы. Мы стали готовиться к очередной кампании — к весенней инспекторской проверке.

В число проверяемых частей попали зенитная ракетная бригада и зенитная ракетная техническая база (ЗРТБ). Для меня это было неприятным сюрпризом, так как зенитное вооружение — самое слабое звено в моей профессиональной подготовке.

Проверка бригады и базы началась одновременно, но мне нужно было сначала представить проверяющим ЗРТБ, так как её потребовали поднимать по тревоге, выводить в поле и проводить с ней учение на фоне оперативно-тактической обстановки.

Документы по учению (рабочую карту и вводные) мы отработали заблаговременно, утвердив их у командарма, затем майор Власенко и я выехали в ЗРТБ.

Командир базы подполковник Михайличенко и главный инженер майор Пичугин уже ждали нас, поскольку ещё до приезда комиссии нужно было пройтись по всем пунктам.

Хотя обеспечение зенитными ракетами несколько проще, чем ракетами «земля—земля», но и здесь есть своя специфика, свои особенности. Прежде всего база располагается недалеко от зенитной бригады, и поэтому транспортные средства последней по мере расхода ракет могут самостоятельно пополнять боезапас. Транспорт же базы — в первую очередь грунтовые тележки и длинномерные КамАЗы — следовало придержать для вывоза ракет, поступающих из Центра на железнодорожные выгрузочные станции. Что же касается ракет среднего и ближнего радиуса действия, то их доставка в зенитные подразделения мотострелковых дивизий почти ничем не отличается от подачи обычных боеприпасов. Никто не знает потребность в расходовании дорогостоящих, дефицитных зенитных ракет, поэтому в мирное время устанавливаются ориентировочные нормы расхода их в операции в штуках на пусковую установку...

Вскоре приехала комиссия, и всё завертелось: заслушивание командира, проверка мобготовности, сбор по тревоге, марш в запасной район, развёртывание, оборудование района, организация связи, охраны, обороны и так далее.

Поглощённый всеми этими делами, я, к сожалению, упустил общий контроль за ходом проверки ракетно-артиллерийского вооружения, и вскоре меня вызвал к себе командарм.

— Почему вы не занимаетесь зенитной ракетной бригадой? — спросил генерал Востров.

Оказывается, в зенитной бригаде дела шли неважно, и начальник ПВО полковник Самойленко пожаловался, дескать, вооруженцы не помогают. Делать нечего, пришлось мне срочно переключаться на зенитную бригаду, где проверка была в самом разгаре. Боевую готовность, к примеру, пушек можно определить наглядно и физически ощутимо: исправная работа механизмов, внешние повреждения, вмятины, погнутости, срыв резьбы, трещины и т.д. и т.п. У зенитчиков о неисправности можно судить в основном по различным параметрам на многочисленных измерительных приборах, индикаторах и экранах.

К моему удивлению, по состоянию шлицов потенциометров и головок крепёжных винтов комиссия судила о состоянии того или иного образца.

— Если шлицы развальцованы, а прорези винтов сорваны, в аппаратуру часто лазили, и ожидать хорошего тут нечего, — заметил мне один из проверяющих.

Боезапас проверял подполковник с центрального арсенала ГРАУ, и я решил не отходить от него, чтобы непосредственно участвовать в проверке ракет ЗМ8, а заодно и поучиться у профессионала такого класса.

— Главное — герметичность консервации двигателя ракеты, — рассуждал подполковник, тщательно осматривая тканевую заглушку сопла.

Ракеты ЗМ8 хранятся на транспортных тележках в режиме окончательной готовности, по размеру они напоминают небольшой самолёт, и на осмотр каждой уходит немало времени. Перелезая с одной тележки на другую, мы к вечеру осмотр всё же закончили. Все ракеты оказались без существенных дефектов, и я вздохнул с облегчением — оценка боезапаса была определяющей. Между тем проверка наземного оборудования продолжалась, и конца этому не предвиделось, хотя работа шла почти круглосуточно.

Доложив командарму обстановку в бригаде, я вернулся в ЗРТБ. К этому времени база, завершив полевое занятие, готовилась к обратному маршу.

...После весенней проверки и следующего масштабного мероприятия — фронтовых командно-штабных учений, планировавшихся в июле, оставалось время, которое нужно было максимально использовать на обслуживание вооружения, постановку его на длительное хранение, оборудование складов. К сожалению, сами по себе эти работы не идут, и, если о них не напоминать, не контролировать их ход, постепенно затухают, а потом и вовсе прекращаются. Вот почему после учений, проверок нам с трудом удалось возобновить работы по всему фронту, особенно на складах боеприпасов. В результате за летний период сумели, на мой взгляд, выполнить значительный объём работы. К примеру, в 59-й мотострелковой дивизии на складах боеприпасов было отсыпано 11 защитных валов, для чего переместили около пяти тысяч кубов грунта. А ещё отремонтировали 4 хранилища боеприпасов, запаслись дополнительно 200 кубами воды для пожаротушения, ко всем 12 хранилищам с вооружением и боеприпасами провели, введя в рабочее состояние, сигнализацию; укрыли в контейнеры, металлические шкафы и сейфы пистолеты и гранаты. Примерно такой же объём работы выполнен и в других дивизиях, а в артиллерийской бригаде кроме отсыпки защитных валов на складе боеприпасов налажено бесперебойное обслуживание материальной части артиллерии и технических средств.

А время шло быстро, его просто не хватало. Так что сколько ни ждали, сколько к ним ни готовились, учения нагрянули неожиданно.

...Параметры фронтовой наступательной операции известны: ширина полосы наступления до 300, глубина — до 400 км, продолжительность учебно-боевых действий 15—20 суток. Нашей армии в этой операции предстоит решать свою задачу в полосе наступления 40—45 км с глубиной 100—150 км и темпом продвижения 25—30 км в сутки. Иными словами, вся армейская операция уместается в ближайшую задачу фронта.

Условный противник, определённый нам по легенде учений, тоже, как говорится, не лыком шит, так что нашему командованию пришлось приложить немалые усилия, смекалку, искусство, чтобы сломить его сопротивление. На пути к успеху оно сумело и своевременно выдвинуть войска на большие расстояния, и осуществить удачный прорыв укрепленных районов, применив охваты, обходы, комбинированные удары и создав мощные группировки артиллерии на участках прорыва. Словом, решили достаточно сложных оперативно-тактических задач.

Разработчики учения осуществление плана операции распределили по этапам, чтобы после завершения каждого из них подвести предварительные итоги с заслушиванием командования условно противоборствующих сторон. Происходило это в большой палатке, где вывешивались карты, схемы, таблицы и прочее. Заслушивал докладчиков лично командующий округом генерал-полковник И.М. Волошин, руководивший учениями. Он прилетал на КП армии на вертолёте, каждый раз появляясь внезапно, как бы возникая сначала из небесного облака, затем из тучи земной пыли, поднятой лопастями вертолёта. Усевшись за небольшой походный столик, начинал

серьёзную и, чего скрывать, нервную для многих процедуру. Оно и понятно: заслушивание — настоящий экзамен, на котором в комплексе оценивается и верность решения командования армии, и организация взаимодействия, и эффективность использования сил и средств, и, наконец, полнота и качество отработанных документов. Все мы, конечно, напряжённо готовились к этому испытанию и ждали его с волнением. Докладывали обычно командарм, главный разведчик, начальники родов войск, иногда начальник тыла. Руководители технических служб (вооружения, бронетанковой и автомобильной) в случае необходимости давали уточняющие ответы на те или иные вопросы.

Закончив межэтапное действие на КП, генерал-полковник Волошин перелетал на ЗКП, а потом иногда на ТПУ. Особенно Иван Макарович любил наводить страх на запасный командный пункт. Впрочем, поводов для этого было немало. Ведь качественно и в полном объёме отработать в ограниченное время и небольшим количеством офицеров все документы здесь, на ЗКП, физически невозможно. Правда, наши операторы шли на хитрость: пока генерал перемещался, успевали, упреждая его появление на ЗКП, передать туда отработанную карту с командного пункта. Раза два это прошло, но Иван Макарович и сам тёртый калач, раскусил эту уловку. А поймал он нас с поличным довольно просто: во время одного из заслушиваний на КП он на обороте карты незаметно поставил свою подпись, дату и время. Наши операторы, ни о чём не догадываясь, передали её на ЗКП и в результате не только получили разнос, но и ославились на весь округ.

После небольшой паузы 14-я гвардейская армия была переподчинена министру обороны Болгарии генералу Джурову для участия в совместных учениях, проходивших уже на болгарской территории.

По замыслу учения 14-я гвардейская армия из второго эшелона должна вводиться на направление главного удара, поэтому наша оперативная группа, развернув свои карты и прочие документы, приступила к лихорадочному планированию операции. Мне прежде всего нужно было сделать расчёт обеспечения армии ракетами и боеприпасами в предстоящей операции. Удивился болгарам: они ввели у себя институт заместителей командиров по вооружению...

Ровно в двадцать четыре часа в работе штаба, к нашему удивлению был объявлен перерыв на сон и отдых: в Союзе на учениях мы работали почти круглосуточно. На отдых нас повезли на автобусе в гостиницу. Но насладиться уютным и даже роскошным сервисом в полной мере не удалось, поскольку в половине пятого объявили сигнал подъёма, посадку в автобус и возвращение на командный пункт.

В самый разгар работы мы чуть не лишились своего командарма: в жару он с жадностью утолил жажду каким-то холодным напитком, и у него подскочила температура под сорок градусов. Однако генерал-лейтенант Востров ни на минуту не покинул командный пункт, можно только поражаться выносливости Владимира Андреевича, в течение почти трёх суток переносившего на ногах тяжёлый недуг.

Между тем планирование армейской операции нашим штабом было завершено в срок, и мы приготовились к заслушиванию, которое проводил министр обороны БНА генерал Джуров.

Вскоре учение вступило в завершающую фазу, после чего нас ожидал долгожданный отдых и небольшая культурная программа. В том числе, конечно, и посещение Шипки.

Пожалуй, нет в России человека, который бы не знал или по крайней мере не слышал об этой достославной героической точке, об этом историческом горном перевале. В Русско-турецкой войне 1877—1878гг. здесь сложили головы многие русские воины, вставшие на пути турецкой 37-тысячной армии Сулеймана-паши.

На Шипку мы выехали рано утром на автобусе и, остановившись у подножия горы, сначала посетили величественный православный храм — памятник, построенный в 1902 году. Внутри его мраморная лестница ведет в цокольное помещение — усыпальницу павших воинов. Семнадцать могильных мраморных плит, и на каждой высечено название полков. 36-й Орловский, 35-й Брянский... Так вот где покоятся мои герои-земляки! Рядом с храмом и дальше по склону горы — многочисленные кресты и надгробия. Склон горы крутой, почти отвесный, покрытый изумрудной травой. Вершина уходит куда-то в заоблачную высь и там, на самой верхотуре, возвышается величественный памятник.

Чем выше мы поднимались, тем больше выростал памятник в размерах, как бы нависая над головой. Он и впрямь оказался внушительных размеров — высотой 31,5 м.

Мы вошли во внутреннее помещение пирамиды. Прямо перед входом на невысоком постаменте — беломраморный саркофаг на львиных лапах — символическая усыпальница павших воинов. В правом дальнем углу под сенью знамен — большой портрет генерала Скобелева в белом мундире. Вот такой же, в белом мундире и на белой лошади, он водил рати в жаркие страны, оставаясь целым и невредимым, внушая себе и другим, что в такой одежде никогда не будет убит. Среди солдат сложилась даже легенда, что Скобелев заговорён от пуль. Под его командованием наши войска нанесли сокрушительное поражение армии Осман-паши, гнали турок до самого Константинополя.

После посещения Шипки оставалось ещё какое-то время нашего пребывания в дружественной стране. Нужно сказать, что болгарские коллеги озаботились наполнить его различными мероприятиями.

(Окончание следует)

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 11.

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Публикация: ОСТРОВСКИЙ Александр Васильевич —

ведущий научный редактор редакции

«Военно-исторического журнала» (Москва)

СМЕРТЬ ПАВЛА I

Происхождение кризиса

2. Смена лиц

У Павла создалась злополучная привычка расправляться с высшими сановниками, выдающимися военными людьми, с друзьями и лицами, пользовавшимися его доверием, как с лакеями, под влиянием быстро сменяющихся капризов и припадков гнева. Он их не только совершенно неожиданно лишал занимаемых ими постов, но и удалял из столицы, наказывал, ссылал и затем опять оказывал всякие милости.

Такие отношения оказали большое влияние на судьбу императора. Не было решительно никого, кому он долго доверял бы и кто в свою очередь мог бы связать свою судьбу с ним. Положение неограниченного властелина обуславливало полную обособленность и уничтожало возможность продолжительной привязанности. Павел был и остался одиноким, без партии, без приверженцев, которые представляли бы какие-нибудь политические убеждения. Не было даже и тени группы, которая могла бы быть солидарна с ним в чём-нибудь. О каком-либо уважении к заслугам государственных людей, которые несли службу в его царствование, не могло быть и речи. Презрение к людям, недоверие ко всем, полное пренебрежение интересами его окружающих — таковы основные черты его отношения к министрам, придворным, генералам, послам и т.д.

Таким образом и произошло то, что к концу его царствования были удалены из числа его приближённых как раз те, которые могли его защитить от подготовленного Паленом покушения или даже предупредить его.

Так был удалён Панин, который с 1788 по 1790 год считался близким другом Павла. Сделавшись императором, Павел возненавидел графа и стал его преследовать, хотя и пользовался его советами при решении важных вопросов. По той же причине должны были удалиться от двора незадолго перед катастрофой Ростопчин и Аракчеев, которые в своих собственных интересах готовы были потворствовать сумасбродным наклонностям Павла. Вряд ли можно сомневаться, что и Пален оказался бы в числе опальных, если бы Павел продолжал царствовать. Простой случайностью, по-видимому, можно объяснить то, что Пален продолжал занимать ответственные посты, и этот главный заговорщик воспользовался своим положением и удалением вышеупомянутых лиц, чтобы нанести решительный удар. Он нуждался в помощи нескольких лиц, и ему удалось благодаря своему влиянию вернуть в столицу Беннигсена и братьев Зубовых, которые также были высланы.

Как быстро незаслуженные отставки сменялись столь же неожиданными милостями и назначениями на высшие государственные должности, показывает пример графа Панина, который приблизительно около года (с 1799 по 1800-й) занимал пост вице-канцлера и рядом с Ростопчиным заведовал внешней политикой России.

Случилось так, что в ноябре 1800 года Панин медлил дать свою подпись для одного мероприятия, которое должно было привести к разрыву с Англией. Из вскрытой депеши прусского посла Лузи Павел и Ростопчин узнали, что Панин не одобрял насильственного эмбарго, применённого к английским кораблям, и т.д. Этого было достаточно, чтобы удалить его с занимаемого им поста. В нелояльной и неколлегиальной форме Ростопчин сообщил графу об его отставке.

Так как Панин в этот же день давал обед дипломатическому корпусу и не мог его отменить, то он предложил Ростопчину сделать послам сообщение об его отставке после этого обеда. Павел в разговоре с Паленом порицал поведение Панина, который, как истый «римлянин» (т.е. человек с независимым характером), так мало удручён своей отставкой, что даже даёт обеды. Император осведомился о настроении Панина, не собирается ли он устроить бал и т.п.¹ Вскоре после этого Панину дали понять, что он должен уехать в Москву как член московского отделения сената, а три дня спустя он был выслан в своё имение, в Смоленскую губернию. Через некоторое время было перехвачено частное письмо некоего Приклонского, который сравнивал Панина с Цинцинатом. Ростопчин донёс на Панина, несправедливо обвиняя его в том, что он автор письма и под именем Цинцината будто бы разумеет другого ссыльного князя Репнина. Последовал обыск, а затем целый ряд допросов. Пылая гневом, Павел грозил сослать графа Панина в ещё более отдалённые места². Совершенно невинные письма Панина к его сестре вменялись ему в вину, и самым простым выражениям придавали значение своего рода шифра³. Ростопчин, который заведовал почтой и отдал распоряжение вскрывать письма, играл роль доносчика, пока, наконец, сам император не убедился, что в данном случае происходили ошибки и недоразумения. Произошла крупная перемена в настроении в пользу Панина, и 16(27) февраля ссылка Панина была, наконец, отменена; ему было позволено по собственному усмотрению поселиться в Петербурге или Москве. Это решение вызвало шум в обществе и было встречено большой радостью⁴.

Одновременно с этим последовала ссылка Ростопчина. Она, по-видимому, была вызвана его предательским поведением в изобличении мнимых измен, которые он открывал в письмах Панина⁵. Эти два врага, Ростопчин и Панин, оба получили известие о катастрофе Павла вдали от столицы. Пален, который уже занимал пост петербургского губернатора и начальника тайной полиции, был теперь назначен вместо Ростопчина министром иностранных дел и заведующим почтой.

К несчастью Павла один из его безумных капризов поразил и Аракчеева, который также попал в немилость и был удалён. Тем больший простор получил Пален, но и ему грозила меньшая опасность, чем всем пострадавшим. В последний час перед катастрофой Пален, говорят, предвидел своё падение в самом близком будущем. «Пален никогда и не подумал бы устраивать переворот, — пишет Розенцвейг, — если бы он не был убеждён, что непостоянство императора повлечёт за собой через более или менее короткое время и его собственное падение, и, чем выше он стоял, тем ниже ему придется пасть. Кроме того, он яснее всякого другого мог видеть, что припадки гнева переходят у Павла в настоящее безумие». «Император послал курьера к Аракчееву, — рассказывает дальше Розенцвейг, — чтобы вызвать его в Петербург. Пален задержал курьера с таким расчётом, чтобы позаботиться об ускорении дела и проведении его до приезда Аракчеева. Только тогда он сообщил главарям заговора о том, что император хочет лишить его поста петербургского генерал-губернатора. Он поставил им на вид, что его опала повлечёт за собой не только неудачу в проведении в жизнь их плана, но и к его открытию, и что, наконец, приезд Аракчеева не даст им возможности ни выполнить свою задачу, ни отказаться от неё. Поэтому было решено приступить к действию в ночь [с] 11(23) на 12(24) марта».

Кто же такие были, кроме Палена, эти главари заговора, после того как Рибас умер, а Панин был сослан? В первую голову нужно назвать братьев Зубовых и генерала Беннигсена. Пален сам дал в разговоре с Ланжероном главные сведения о том, как он их привлёк к исполнению своего плана.

«Вместе с решением великого князя Александра, — читаем мы здесь, — действовать в союзе со мной было приобретено очень много, но ещё не всё. Правда, он мне обеспечил содействие своего Семёновского полка; там были очень решительные офицеры, но у этих молодых и легкомысленных людей не было ни опыта, ни испытанной храбрости, которые необходимы в таких случаях. В решительную минуту они своим малодушием, необдуманностью или болтливостью могли испортить всё дело. Мне нужна была помощь людей, более солидных, чем эта банда ветрогонов (*tourbe de freluquets*). Я мог бы положиться на друзей, известных мне своей отвагой и силой воли. Необходимо было привлечь таких людей, как Зубовы и Беннигсен. Но как устроить, чтобы они приехали в Петербург? Они были в числе опальных и были сосланы, и у меня не было никакого предлога, чтобы просить об их возвращении. Тогда мне на ум пришло следующее.

Я решил воспользоваться светлым моментом (*un moment lucide*) в настроении императора, когда ему можно было всё сказать, чтобы вызвать сострадание к печальной участи разжалованных офицеров. Я обрисовал ему отчаянное положение несчастных, изгнанных из своих полков, высланных из столиц, погубивших свою карьеру, потерявших все средства к существованию и гибнущих от нищеты и нравственных страданий, хотя их проступки не так велики и заслуживают снисхождения. Я знал, что Павел во всех случаях и по всякому поводу обыкновенно поступает под влиянием порыва. Я надеялся вызвать с его стороны такое распоряжение, которое обнаруживало бы его великодушие. Я бросился ему в ноги. Он любил романтическую обстановку, считал себя великодушным человеком и был необуздан (*extrême*) во всех своих действиях. Через два часа после нашего разговора во все концы государства были разосланы двадцать курьеров, чтобы вернуть обратно в Петербург всех отрешённых от должности и разжалованных. Я тут же написал приказ, который император лично продиктовал мне.

Теперь я мог с уверенностью рассчитывать на две вещи: во-первых, получить в своё распоряжение Беннигсена и Зубовых, которые мне были крайне необходимы, и, во-вторых, раздуть всеобщее недовольство императором. Я знал его нетерпеливый, порывистый нрав; мне хорошо было известно, что он всегда переходит от одного впечатления к другому, совершенно противоположному, и принимает самые противоречивые решения. Я был уверен, что первые офицеры, которые вернутся, встретят вначале самый радушный приём со стороны императора, но что очень скоро наступит охлаждение к ним и другим, ещё не приехавшим. Случилось именно так, как я рассчитывал. Эти несчастные хлынули целым потоком в столицу. Каждый день докладывали императору о сотнях приезжих. Этот многочисленный съезд людей очень скоро надоел императору, и он перестал их принимать. Затем он их опять стал высылать и сделал этих несчастных, которые снова были лишены всяких надежд и осуждены на голодную смерть у ворот столицы, своими заклятыми врагами»б.

Розенцвейг также упоминает о возвращении ссыльных, не зная, что Пален был виновником этой меры. «Благодаря этому распоряжению, — пишет он, — вернулись в столицу также члены семьи Зубовых, которых император преследовал в течение всего своего царствования. С этого времени опять начинают носиться с мыслью о выполнении того плана, от которого отказались после изгнания графа Панина. Недоставало человека с мужественным и твёрдым характером для руководства заговором. Теперь с полным основанием могли рассчитывать для этой роли на графа

Валерьяна Зубова. Его братья, граф Николай и князь Платон уступали ему в рассудительности, силе воли и предприимчивости⁷. Сестра Зубовых, госпожа Жеребцова, получила разрешение уехать за границу, и она отправилась в Берлин с деньгами и драгоценностями, чтобы подготовить убежище для братьев на случай неудачи. Тогда же был привлечён к делу и генерал Беннигсен... В то время, о котором мы здесь говорим, он получил место начальника в одном провинциальном городе. Это собственно была ссылка, на которую осудил его император, подозревая в нём, как в урождённом ганноверце, симпатии к Англии, а тогда наступил разрыв в отношениях между Россией и Англией. Генерал Пален послал ему приказ приехать в Петербург и явиться к нему, прежде чем он кого-нибудь посетит. Он сообщил ему о заговоре, призывал его к участию и сказал, что ему хотят вверить командование над преданной ему частью гвардейцев. Беннигсен три или четыре дня скрывался по приезде в Петербург. Он показался только тогда, когда наступил момент выполнения плана».

Несколько уклоняется от этой передачи рассказ самого Беннигсена в разговоре с Ланжероном.

«Я не состоял больше на службе, — рассказывал он, — и не смел показываться ни в Петербурге, ни в Москве, ни даже в каком-нибудь губернском городе, чтобы не привлечь к себе внимание и не подвергнуться опасности быть высланным в ещё более отдалённые места. Так я жил в печальном уединении в своём литовском имении. В начале 1801года я получил письмо от графа Палена, который вызывал меня в Петербург. Я был удивлён такому приглашению и не чувствовал никакого желания последовать ему. Через несколько дней появился императорский указ, которым возвращались все, получившие отставку и отрешённые от своих должностей; но и этот указ не вызвал у меня расположения расстаться со своим местопребыванием. Между тем Пален бомбардировал меня письмами, в которых выражал настойчивое желание видеть меня в Петербурге и ручался за самый радушный прием у императора. В последнем письме Палена звучала такая настоятельная просьба, такой решительный тон, что я решил ехать. Я прибыл в Петербург. Вначале Павел меня принял очень хорошо; но скоро наступило охлаждение, а затем он перестал со мной разговаривать и смотреть на меня. Я отправился к Палену и заявил ему, что случилось то, чего я ожидал, что мне не на что надеяться, и даже, более того, имеются основания для больших опасений, и что я хочу возможно скорее уехать. Пален просил меня обождать некоторое время. Мне трудно было решиться на это. Наконец вечером, накануне того дня, когда планы Палена должны были осуществиться, он посвятил меня в тайну. Я согласился на его предложение» и т.д.⁸

Так как Бернгарди пользовался для своего сочинения, между прочим, и мемуарами Беннигсена, то заслуживают внимания его замечания о пребывании Беннигсена в Петербурге в момент решения вопроса, хотя они расходятся с устным рассказом этого генерала в разговоре с Ланжероном. «Беннигсен, — пишет Бернгарди, — также попал в ссылку из-за случайного каприза императора. Он получил приказ выехать в своё поместье. Пален и Платон Зубов уговаривали его остаться в Петербурге и скрываться, что, конечно, очень легко было сделать под защитой министра полиции. Они оба не ошиблись в Беннигсене. Так как ему объявили, что во главе заговора стоит Александр, то он присоединился к нему и проявил большое рвение и даже готов был руководить выполнением плана».

О Платоне Зубове Бернгарди сообщает: «Императора Павла упростили дать этому человеку какую-нибудь должность, хотя бы номинальную. Он был назначен начальником кадетского корпуса. Оба его брата, Николай и Валерьян, снова заняли свои места в сенате. Все трое были в числе заговорщиков».

3. Пален и Александр

В руках Палена соединились теперь все нити заговора. «Пален, — пишет Ланжерон, — остался один (после смерти Рибаса и ссылки Панина), но этого было достаточно. Для успеха в осуществлении проекта нужен был именно такой человек, как он. Необходимо было также, чтобы он объединил в своих руках важнейшие государственные должности; только при таких условиях Россия могла быть спасена. Пален спас Россию, но я лично не особенно охотно согласился бы на такую услугу за столь дорогую цену. Пален был очень даровитый и отважный человек, с глубоким умом и непоколебимой волей, с цельной и благородной душой. Он был очень сдержанный человек и ни при каких обстоятельствах не терял присутствия духа. Когда дело шло о проведении в жизнь задуманного ими плана, то ни его положение, ни состояние, ни свобода, ни самая его жизнь для него ничего не стоили. Он как будто был создан для успеха, для побед, вопреки всяким препятствиям. Это был урождённый заговорщик-вожак, которому предопределено было служить образцом для всех будущих заговорщиков. Осуществить его замыслы было столь же трудно, как и необходимо. Нужно было освободиться от Павла. Пален стоял за переворот. Излагая свой проект великому князю Александру, он уверял последнего, что речь идёт об отрешении и заключении его отца, и что никакой опасности не угрожает его жизни... Пален в качестве петербургского градоначальника был непосредственно подчинён великому князю Александру, и это обстоятельство облегчило ему возможность реализовать свой замысел... Для верного успеха необходимо было склонить на свою сторону хотя бы несколько гвардейских полков, а это была очень трудная задача.

Гвардейские солдаты любили Павла. Особенно был ему предан первый батальон Преображенского полка. От яростных нападок несчастного монарха страдали генералы и офицеры; солдат же очень хорошо одевали, кормили и даже награждали деньгами. Гораздо легче было добиться содействия офицеров для переворота. Между тем очень трудно было сделать удачный выбор из 300 легкомысленных, распутных, буйных и болтливых офицеров. Заговор легко мог быть открыт благодаря им. Вызванные этими соображениями опасения и заставили ускорить момент катастрофы. Пален нашел пути, как преодолеть все эти трудности и устранить все препятствия. Он проявил непоколебимую волю и поистине поразительное упорство в достижении своей цели»⁹.

В упоминавшемся уже несколько раз рассказе Палена в разговоре с Ланжероном мы встречаем черты цинизма, которые подтверждают приведённую характеристику этого человека. Пален сообщил, между прочим, следующее:

«В интересах истины я обязан заявить, что великий князь Александр не хотел идти ни на какие убеждения, прежде чем я не дал ему священную клятву в том, что мы пощадим жизнь его отца (*qu'on n'attenterait pas aux jours de son père*). Несмотря на своё обещание, я не был настолько безрассуден, чтобы считать себя связанным своим словом, которое просто не было выполнимо. Нужно было успокоить угрызения совести моего будущего монарха, и я притворно шёл навстречу его желаниям, хотя я был убеждён в их неисполнимости. Я очень хорошо знал, что революцию нужно или совсем не начинать, или же доводить до самого конца, и что, если бы Павел остался жив, двери его тюрьмы очень скоро растворились бы, ужасная реакция наступила бы снова и затопила бы столицу и провинции кровью виновных и невинных».

«Осуществление нашего проекта, — читаем мы дальше в передаче разговора Палена, — было нами назначено на конец марта месяца; непредвиденные обстоятельства заставили нас ускорить момент. Многие офицеры из гвардейских полков были нами посвящены в тайну или сами

догадывались о ней. От их болтливости можно было ожидать самого худшего, и это меня беспокоило».

«7 марта в 7 часов утра я вошел в рабочий кабинет Павла с рапортом о положении столицы, как я это делал ежедневно. Я нашел его погруженным в свои мысли, серьезным; он открывает дверь и минуты две смотрит на меня, не говоря ни слова. Наконец он спросил меня: “Господин Пален, были ли вы здесь в 1762 году?” — “Да, государь” — “Значит, вы здесь были?” — “Да, государь; но что вы, ваше величество, этим хотите сказать?” — “Присутствовали ли вы во время революции, которая моего отца лишила трона и жизни?” — “Я был, государь, только свидетелем, но не действующим лицом; я был очень молод и служил кавалерийским унтер-офицером в гвардии; я уехал со своим полком, не подозревая, что происходило кругом; но почему вы, ваше величество, задаёте мне этот вопрос?” — “Почему? Да потому, что хотят повторить 1762 год”.

Я задрожал при этих словах, но тотчас овладел собой и сказал: “Да, государь, этого хотят; я это знаю и также состою в заговоре” — “Как, вы это знаете и также состоите в заговоре?” — “Да, государь, я принадлежу к числу заговорщиков и должен себя вести, как их соучастник; как мог бы я иначе узнать, что хотят предпринять; я должен был показать им, что я их сторонник. Но будьте спокойны, вам нечего бояться. Все нити заговора сосредоточены в моих руках. Вы скоро всё сами узнаете. Но и не думайте сравнивать опасность, которая угрожает вам, с опасностью, угрожавшей вашему отцу. Он был иностранец, вы — русский. Он ненавидел русских, не скрывал своего презрения к нам и был чужд народу. Вы, напротив, любите русских, уважаете и цените их и привлекаете их к государственной службе. Он не был коронован, над вами же этот обряд был совершён. Он преследовал духовенство, а вы ему оказываете всякие почести. Он крайне вооружил против себя гвардейские полки, вам же эти войска, наоборот, очень преданы. Тогда в Петербурге не было никакой полиции; теперь она прекрасно организована; без моего ведома не делается ни одного шага, не говорится ни одного слова. Каковы бы ни были виды императрицы¹⁰, у неё нет ни дарований, ни силы воли её матери; у неё взрослые дети, тогда как вам, ваше величество, тогда, в 1762 году было только семь лет”. — “Всё это так, — сказал Павел, — но нужно быть настороже”¹¹.

Так кончился наш разговор. Я тотчас же написал великому князю, настаивая на немедленном устройстве переворота, на следующий же день. Он убеждал меня обождать до 11 марта, потому что в тот день должен был нести сторожевую службу третий батальон Семёновского полка, в котором он был более уверен, чем в двух других. Я с большой неохотой согласился на это и был очень неспокоен эти два дня».

«Пален имел все основания беспокоиться», пишет по этому поводу Ланжерон. «Император, по видимому, догадывался о замысле, и сам Пален принадлежал к числу заподозренных. Павел тайно вызвал двух своих прежних любимцев гатчинского периода, Аракчеева и Линденера, которых он удалил от себя. Если бы эти два изверга вовремя вернулись, то они вытеснили бы Палена и, может быть, Александра от занимаемых ими постов и устроили бы кровавую баню в столице. Аракчеев приехал через десять часов после смерти Павла, он был задержан у ворот города и снова выслан».

Рассказывают, что Павел хотел вернуть также Ростопчина. За несколько дней до катастрофы последний будто бы получил от императора депешу, в которой второпях были нацарапаны слова: «Вы мне нужны. Приезжайте немедленно. Павел». С тяжёлым предчувствием Ростопчин отправился в путь, но уже в дороге, в Москве, он узнал о внезапной кончине императора. Он

отгадал причину и вернулся в своё имение. Позже он уверял, что сумел [бы] помешать преступлению, если б был в то время в Петербурге.

В заключение к своему рассказу в разговоре с Ланжероном Пален заметил: «Момент наконец наступил; вы знаете, что произошло. Император умер и должен был умереть. Я не был ни свидетелем, ни активным лицом во время его смерти. Я предвидел его кончину, но не хотел принимать никакого участия в этом деле, так как дал своё слово великому князю».

«Удивительное объяснение, — восклицает по этому поводу Ланжерон, — он никакого содействия при убийстве Павла не оказал, но дело Зубовых и Беннигсена было задумано тем не менее им».

Нет никакого основания сомневаться в полной уверенности Александра, что речь идёт об отрешении Павла от престола, а не о насилии, которое потом было совершено. Но такой взгляд трудно примирить с теми приготовлениями, которые были в данном случае сделаны. Государственно-правовую реформу, бескровную перемену правительства могли бы прежде всего предложить и совершить политические учреждения, хотя бы сенат. Здесь же по преимущественно военному характеру предприятия можно было, наоборот, заключить, что дело шло о «*coup de main*». Александр сам весь центр тяжести переносил в войска, дух которых ему был знаком и от содействия которых он ждал верного успеха. Шумную толпу частью молодых офицеров привлекали к устранению душевнобольного монарха. Как же это могло произойти без насилия, без жестокости?

Рассказ Палена о поведении Александра перед катастрофой, как и сообщение Чарторыйского, по рассказу молодого императора после события, заставляют нас признать противоречие в мыслях и чувствах великого князя, какой-то пробел в его мышлении, который можно объяснить крайней неопытностью в политических и других вопросах. Пользоваться таким опасным оружием и думать при этом, что оно не нанесёт раны, было бы слишком странно. Перед нами здесь психологическая проблема. Александр в течение нескольких месяцев оставлял на выдающихся постах главных виновников смерти Павла, а затем тяжелее всех покарал того, кто самым решительным образом осуждал такой способ решения задачи, именно графа Панина. Страшная опасность, которой Александр подвергался, постоянный гнёт, под которым он жил, очевидно, омрачили его рассудок.

Достоверно известно, как факт, что он был крайне поражён и ошеломлён в последний момент. С другой стороны, поведение и способ действия Палена очень ясны и понятны. С циничной откровенностью он раскрыл перед нами своё иезуитство, свою *reservatio mentalis*; он знал, чего он хотел. Роль Александра в этой трагедии остаётся для нас под знаком вопроса. Пален проявляет огромную инициативу, кипучую деятельность. Александр идет на буксире у него. То обстоятельство, что Пален мог обмануть великого князя насчёт последствий предприятия, является очень характерным для обоих.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробности в письме Муравьёва-Апостола к Воронцову от 17 февраля 1801 года в Арх[иве] кн[язя] Воронцова. [М., 1880]. Т. XI. С. 161—167.

² См. письмо Павла к московскому генерал-губернатору графу Салтыкову в Материалах о Панине. Т. V. С. 650.

³ Панин писал о своей тётке; думали, что он понимает здесь императора. «Благодеяния» тётки должны были обозначать его «преследования» со стороны Павла и т.п.

⁴ См. письмо Муравьёва к Панину от 18 февраля 1801 года в Материалах о Панине. Т. V. С. 673.

⁵ Бернгарди упоминает в «Историческом Журнале». №III. С.144, об интриге Кутайсова против Ростопчина. Нам мало известно об этом. Биограф Ростопчина (*Sÿgur. Vie du compte de Rostopchine*. Париж, 1870. С.80), заявляет, что ему неизвестна причина ссылки. История с панинскими письмами и доносами по их поводу подробно изложена у Коцебу в его опровержении работы Массона. См.: Материалы о Панине. Т. V. С.146—148. Павел будто бы был крайне возмущён и воскликнул: «Ростопчин изверг, пусть поплатится за свои интриги!»

⁶ *Revue Britannique*. Июль 1895. С. 65—67.

⁷ Такую же характеристику этих лиц мы находим у Ланжерона.

⁸ *Revue Britannique*. С. 69.

⁹ *Ibid.* S. 62, 63.

¹⁰ «Палену удалось, — замечает при этом Ланжерон. — внушить императору подозрения насчёт императрицы».

¹¹ *Revue Britannique*. Июль 1895. С. 62—69.

(Продолжение следует)

Продолжение. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. №6, 7, 9—11. 2009. № 1.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ

Публикация: ГУРКОВСКИЙ Владлен Анатольевич —

*референт Фонда содействия кадетским корпусам им. А.Йордана, полковник в отставке,
кандидат исторических наук (Москва)*

А.Н. ГУРКОВСКИЙ

ПАЛЕЦ НА КУРКЕ

Летним солнечным утром 1919 года, когда пламя Гражданской войны с особым накалом бушевало на Украине, я поднимался по широкой истоптанной лестнице в политотдел 47-й Черноморской дивизии. Из просторной комнаты, сохранившей следы барской роскоши, дверь вела в кабинет начподива. Сизый табачный дым застилал поднявшуюся мне навстречу щуплую фигуру руководителя политотдела, одетого в летнюю морскую форму.

Он крепко пожал мне руку и, прочитав направление губкома партии, сказал:

— В политотделе армии мне говорили о тебе и о твоём желании. Поедешь политкомом очаковской крепости, где нет комиссара. Там всю работу необходимо ставить с самого начала. А это значит — объединить коммунистов, организовать политическое воздействие, установить за всей жизнью артиллерии комиссарский контроль. В крепости, учти, на командных постах в большинстве — бывшие морские офицеры, взятые на службу по мобилизации. Возможно, имеются и ненадёжные. В Очакове жарко. Белые рвутся в Днепровско-Бугский лиман, к Николаеву и Херсону. Бомбят каждый день. А к тому же вокруг — кулацкие восстания и мятежи. Между тем Очаков должен накрепко закрывать ход в лиман. Свяжись с Алёшей Мокроусовым. Он формирует бригаду нашей дивизии. Побывай также у уезвоенкома Макара Чижика. Мокроусов с первых революционных дней командует матросскими частями, а Макар возглавлял в Одессе Красную гвардию — оба осторожные, хорошие, настоящие большевики, — помогут тебе. От нас ничего не жди. Разберись на месте с обстановкой и всё решай сам.

С назначением я согласился, в Одессе ничего меня не задерживало. Из ЧК ушёл по собственному желанию после моих настоятельных просьб и требований о возвращении в армию и направлении на фронт. Сборы солдата революции коротки. Пока в канцелярии готовили предписание, я в вещевой кладовой штаба дивизии получил матросскую робу из плотного сурового полотна. Неизменный наган вновь занял свое место под поясом брюк, через плечо перекинут маузер с деревянной кобурой-прикладом, в руках — полевая сумка с полотенцем и мылом. Вот и все сборы.

Во второй половине дня в кабине машины, груженной артиллерийским имуществом, я уже следовал к месту нового назначения. Шофер-матрос скупко рассказывал об Очакове. На мне он то и дело задерживал взгляд, в котором сквозило сомнение — не слишком ли молод для комиссарского дела? Но вот и древний Очаков. Уютный морской городок, окаймлённый со стороны моря крепостными сооружениями, встретил меня безлюдьем и неприятной тишиной. Объяснялось это тем, что флот белых ежедневно, то планомерно, то беспорядочно и бессмысленно, посылал по крепости и городу разрушительные снаряды. Вот почему очаковский житель переселился в ближайšie к городу сёла, как в погреба.

Машина остановилась у каземата, в котором размещались начальник артиллерии и дежурный. Здесь мне предстояло жить и работать. В просторном, вытянутом в длину каземате со сводчатым потолком стоял стол, устланный картами и заставленный телефонами. Вдоль стены располагались солдатские кровати. За столом сидел телефонист, вслух принимавший сводку о передвижении на рейде неприятельских кораблей. За другим его концом, склонив голову на скрещенные руки, похрапывал спящий. При моём появлении он поднялся. Это был пожилой сухожильный матрос.

Я назвал себя. Старик подошел ко мне, протянул свою широкую шершавую ладонь и сказал:

— О, цэ добрэ! Нам дюжэ нужэн комиссар. Будэмо знакомы. Очаковский матрос и рыбац Тарас Упырь — дразнят дидом Тарасом. Я в штабе швец, жнец и на дуде игрец. И связной, и кок, и уборщик. В общем, штабная нянька.

С его помощью я привёл себя в порядок и устроился в этом же каземате. Вскоре к каземату подошёл мотоцикл с коляской, из которой вылез высокий, с чёрной бородкой, умными глазами начарт Шарапов — бывший полковник. Отнесся он к моему приезду дружелюбно, заявив, что ему без комиссара очень и очень туговато работать. Пока у меня шёл разговор с Шараповым, дед Тарас хлопотал у стола, а в каземате запахло жареными бычками. Не успели мы покончить с едой, как в каземат ворвался грохот разрывов. Шарапов пошутил, что адмирал белого флота салютует в честь моего приезду.

Вместе с Шараповым я поднялся на наблюдательный пункт, где находился его адъютант Моисеев. Это был типичный представитель той флотской офицерской касты, которая кичилась своей именитостью и голубой кровью.

Приникнув к дальномеру, я замер. Перед глазами расстилалась спокойная гладь голубого моря. На рейде безмятежно стояли военные корабли, совсем близко. Прибор показывал, как на ладони, жизнь кораблей. Маленькие человечки сновали по палубам; у борта то одного, то другого корабля появлялась вспышка выстрелов.

Мое сердце учащённо забилося от гнева и возмущения. Враг злобствует, неистовствует, а мы молча наблюдаем. Оказывается, Очаков не располагал дальнобойными пушками. Имеется батарея морских дальнобойных орудий — Кане, но орудийные замки их ещё немцами увезены в Одессу, и никак не разыщут их на артиллерийском складе.

Я не выдержал, спустился в каземат и сейчас же вызвал к себе командира этой батареи старого матроса-артиллериста Удовиченко. Снабдил его письмами к Акулову, в губком партии и тот час же послал в Одессу за замками. Окружающие на мою горячность смотрели скептически, но я знал, в чём дело, и оказался прав. Орудийные замки не находились потому, что на складе орудовали белогвардейцы. Посланный на склад Корш не только обнаружил замки, но и тех, кто сознательно саботировал дело.

Через несколько дней дальнобойная батарея была боеспособна, и артиллерия Очакова не только перекрыла вход в Днепровско-Бугский лиман, но и заставила флот белых держаться подальше от берега. С раннего утра свою работу я перенёс в батареи, знакомился с их расположением, с людьми. Везде делал доклады о текущем моменте. Особое моё внимание привлекла скорострельная Норденфильдовская батарея, засекреченная и предназначенная только на критический случай, на случай десанта.

Посещая батареи, я не мог не заметить, что моряки, прошедшие большую жизненную школу до и после революции, как-то недоверчиво относились ко мне, молодому пареньку. Было очевидно, что уважение, доверие и авторитет можно завоевать лишь большой организаторской, политической работой, которая из рук вон плохо была поставлена, личным примером и заботой о быте людей.

Первые снаряды батареи Кане, адресованные белым, сразу же заговорили в мою пользу. Затем проверку боем мне пришлось пройти на батарее, расположенной у Суворовского мака. Моё появление здесь совпало с попыткой прорыва двух вражеских канонерских лодок, открывших при приближении к берегу беглый огонь. Батарея вступила с ними в огневой бой. Снаряды буквально

рядом вспахивали землю. Я занял место раненого заряжающего и сразу же вошёл в боевой ритм орудийного расчёта. Гул взрывов, треск, облака пыли и дыма, падающие комья земли и осколки не задевали сознания. Все нервы, внимание и чувства — боевой работе и тому, как ложились вблизи канонерок наши снаряды. Канонерки не выдержали поединка и ушли.

После одной, другой такой проверки моряки-артиллеристы стали относиться ко мне доверчивее и проще. Дружба с моряками стала налаживаться и в связи с тем, что совместно с вновь прибывшим начальником хозяйственной части старым большевиком Байдой мне удалось активно решать хозяйственные, бытовые дела. Впервые с момента создания артиллерии на матросском столе появились овощи, зелень, свежий хлеб. Одновременно при содействии Макара Чижика, Алексея Мокроусова с широким привлечением очаковской молодёжи и матросов я организовал охоту за шпионами.

Как только Очаковское побережье опутывала темнота, то с одного, то с другого места начиналась передача белогвардейским кораблям сведений сигнальными фонарями. Вскоре после памятного для всех очаковцев дня охота за шпионами принесла свои результаты. В жаркий, безоблачный день я с Шараповым не успел ещё до дна исчерпать котелка с рассыпчатой гречневой кашей, как дежурный доложил, что на рейде появились новые корабли. Мы поднялись на наблюдательный пункт, откуда и невооружённым глазом было видно, что на рейде царит необычное оживление. К кораблям, ежедневно стреляющим по Очакову, подошло и подходило ещё подкрепление. Среди новых кораблей были буксиры, тянувшие за собой баржи. Вскоре в воздухе появились гидросамолёты-разведчики.

Не принесёт ли подобное оживление на рейде попытку высадить десант? Ведь перед Очаковом сейчас находился весь Черноморский белогвардейский флот. После передачи всем батареям приказа быть готовыми к ожесточённому бою, я отбыл на дальнобойную батарею, которой предстояло принять на себя первый удар. Мое появление там совпало с открытием белыми огня. Все боевые корабли стали в одну линию, полным ходом направились к берегу, ведя интенсивный огонь. Многочисленные взрывы снарядов превратились в сплошной гул и грохот.

Содрогнулась земля — батарея Кане дала залп по флагману белых крейсеру «Кагул». Этот залп вызвал ответный огонь со всех кораблей. От дыма и пыли померкло солнце, от грохота, лязга загудело в голове, в ушах возникла боль. Расчёты орудий Кане начали редеть. Появились раненые. Однако огонь не ослабевал. Корабли всё ближе и ближе подходили к берегу. За ними неотступно следовали буксиры с баржами. В огневой бой вступили все полевые батареи. Кое у кого из белых начали сдавать нервы, и ряд кораблей отошёл. Но что это? Заговорила, загрохотала засекреченная батарея. К чему это? Ведь она может и должна себя открыть только в критический момент, при начале десантной операции, а сейчас как ни тяжело, мы далеко не сломлены, и белым не до десанта. Корабли как будто только этого и ждали. Весь огонь они перенесли на Норденфильдовскую батарею. И не только засекли, но и быстро подавили её.

Связываюсь со штабом и узнаю, что из шести скорострельных орудий два уничтожено. В бой же вступила батарея по приказу адъютанта Моисеева, переданного от имени начарта. Я прошу к телефону Шарапова и узнаю, что такого приказа он не давал. Багряное солнце стало заходить и уносить с собой напряжение боя. С наступлением темноты бой утих. Я прибыл в штабной каземат и потребовал к себе Моисеева. Адъютанта не оказалось, по сообщению дежурного он отправился в одну из дальних батарей.

Шарапов, как только меня увидел, сразу же сказал, что распоряжение Моисеева находит преступным и рассчитанным на рассекречивание батареи. Видимо, говорил он, белые готовятся к решительной операции — к прорыву в Днепровско-Бугский лиман, десанту и им необходимы открытые карты. С этим нельзя было не согласиться, и я дал распоряжение арестовать Моисеева, где бы он ни появился.

Не было сомнений, что белогвардейские шпионы в наступающую ночь должны проявить особую активность. После подобной репетиции и разведки боем, в предвидении генерального сражения белогвардейское командование не может не интересоваться результатом боя и какие-то добавочные сведения. Я принял все необходимые меры к поимке шпионов. В дополнение к обычным вышли на свои места новые патрули и секреты. Один из патрулей возглавил дед Тарас. Долго и настойчиво он просил доверить ему патрулирование в одном из названных им секторов, обещая не возвращаться с пустыми руками. Глубокой ночью, когда мы с Шараповым подводили итоги жаркого боя и делали всё, чтобы причиненный врагом ущерб не ослабил боеспособность батареи, в каземат вошёл патруль деда Тараса. Дед остановился посередине каземата, взял руку под козырёк и, не опуская её, доложил:

— Прэдвавляю вам захоплэнного шпыона. На пузе добырався до нёго, колы вин лампочкой махав. Шпыоньску гадюгу я сбыв с копытков, а вин выкрутывся да тикать. Каменюка зупыныла биглюка, так как мэни звистно, що живой шпыон нужнице, чымдохлый. Цэю падлюкою является адъютант Моисэев, которого я годував, як свого сына.

Дед встал в сторону и открыл стоявшего за ним Моисеева. Шарапов посмотрел на своего адъютанта с чувством презрения, гадливости и, пытаясь скрыть волнение, обратился к нему:

— Какой позор! Как вы посмели нарушить данное вами слово офицера служить честно в Красной армии? Вы не только изменник и шпион, вы предатель. На всех офицеров, кто желает честно служить в Красной армии, вы бросаете тень. Мне стыдно за вас! Вы не достойны пощады.

Моисеев перестал отводить глаза в сторону, посмотрел на Шарапова и голосом обречённого ответил:

— Николай Михайлович, если бы ваши слова произнёс комиссар, я бы не удивился. А то говорите вы, кто, как и я, потерял не только настоящее, но и будущее. Кроме того, да будет вам известно, что флотом командует мой родной дядя. Не могу же я не выполнить его приказа.

На это Шарапов ответил, что Россия лично для него — прошлое, настоящее и будущее, затем просил меня назначить суд Моисееву.

Утром военный суд, составленный из представителей батарей, решил судьбу изменника. Решающая схватка с белогвардейским флотом за беспрепятственный вход в Днепровско-Бугский лиман назревала. В связи с явным превосходством белых в огневых средствах у командования крепости возникла мысль путем потопить в фарватере входа в лиман баржи и тем самым закрыть этот вход белым. Для этого крепость располагала баржами и буксиром «Надежда».

Операция была более чем опасна, так как белые днём и ночью следили за каждым движением на побережье. Но всё же добровольцев оказалось больше, чем требовалось. После тщательной подготовки буксир с баржей под командованием матроса Чарочкина в тёмную ночь вышел для выполнения задания. По морю то и дело скользили лучи прожекторов. С затаённым дыханием весь берег крепости переживал за смельчаков.

Когда до места следования оставалось не такое уж большое расстояние, прожекторы обнаружили буксир, и тотчас все неприятельские корабли открыли по нему ураганный огонь. Одно за другим последовали попадания в баржу, и она, вспыхнув, начала тонуть. Пламя пожара ярко осветило охоту снарядов за «Надеждой». Но отвага и находчивость берегут смельчаков. Полным, зигзагообразным ходом буксир причалил к берегу, больше походя на решето, чем на судёнышко.

Состоялось собрание комячейки очаковской артиллерии. После него, когда я, провозжая батарейцев, вышел из каземата, ко мне с таинственным видом подошёл дед Тарас. Он отвёл меня в сторону и доверительно прошептал:

— Прыходыла сноха. Дуже цикава жинка. Всэ рознохае. Балакала, що в Чорноморци, а цэ моя батькивщина, куркули готовлять бунт. Их думка захопыть наш обоз, а там нэмало оружия и всякого военного добра. В крэпости миркуют создаты панику и допомогаты билякам. Руководыть бисовськым дилом поповська гидра. Як справыть богову службу, так и вэдэ контрреволюционни проповиди. Хата ёго — настоящий штаб, а нэ дим духовного батькы. Трэба, комиссар, щось робыть.

Сведения были очень тревожны. К тому, что белые нас ежедневно бомбили, готовили десант, а вокруг пылали кулацкие восстания, не хватало ещё контрреволюционных выступлений непосредственно в нашем тылу. В правдивости дедовых сообщений сомневаться не приходилось. Накануне примерно о том же мне сообщил Байда, побывавший в своём хозяйстве. Я решил немедленно принять все меры, чтобы опередить врагов. Байде я приказал привести в боевую готовность всех бойцов, находящихся в Черноморке, и ждать меня.

В Черноморку я выехал с председателем уездной ЧК, захватив с собой и деда Тараса. Немного не доехав до села, несколько в стороне от дороги, мы встретили толпу с хоругвями и иконами. Поп для ниспослания дождя организовал крестный ход, на который вышли и стар и млад. Оставив тачанку на дороге, мы подошли к молящимся. Плотным кольцом они расположились вокруг небольшого холма. На холме, на виду у всех, находился поп, очень энергично размахивающий кадиллом. Дед Тарас внимательно посмотрел вокруг, послушал молитву и шёпотом мне сказал:

— Молэбэнь закінчується. Зараз контра начнэ проповидь.

И действительно, закончив молебен, поп с металлическими нотками в голосе обратился к толпе:

— Братья и сестры во Христе!..

Через моё тело точно прошёл ток. Изумлению не было предела. Ни маленькая бородка, ни очки со слегка затемнёнными стёклами, ни сверкающая на солнце ряса — ничего не могло скрыть того, что в роли священнослужителя подвизался шпион и диверсант Козулич. Первые слова проповеди, составленные из церковно-славянских слов, являлись туманным, ничего не говорящим вступлением. Зато дальше следовала ярко выраженная контрреволюционная речь с призывами покончить с богопротивным, антихристианским порядком. Все беды, говорил Козулич, от засухи, нехватки товаров до продразвёрстки, происходят от советской власти. Его требования покончить с «антихристовым творением» произносились властным, повелительным тоном. Не было сомнений, что поповская наглость, превратившая моление в антисоветский митинг, основывается на силе и влиянии контрреволюционной организации, готовой в любую минуту действовать. Всё походило на то, что крестный ход — последняя мобилизация сил.

Мы по одному оставили толпу, сели в тачанку и быстро направились в Черноморку. Председатель ЧК с изложенным мной планом согласился и поехал к Байде. Я же с дедом Тарасом прогулочным шагом пошёл к поповскому дому. Здесь меня ждал новый сюрприз: попадъёй оказалась никто иная, как знакомая по Дубассарам Зина. Встретила нас молодая попадья не только враждебно, но и агрессивно: предложила убираться из дому, грозя поднять скандал, позвать соседей и прочее. Мне ничего не оставалось делать, как посадить расшумевшуюся женщину в чулан и плотно закрыть его. Иначе могла сорваться вся наша операция.

После того как в доме наступила тишина, мы стали терпеливо ждать хозяина. Наконец открылась калитка, через проём которой твёрдым шагом вдоль цветника к дому направился Козулич. Я знал, с кем имею дело, и поэтому был готов к любым случайностям. Только лишь поп переступил порог комнаты, как я наставил на него наган и объявил об аресте. Козулич освирепел. Не стесняясь в подборе выражений, он сквернословил и пытался повернуться к выходу. Но сзади тоже с наганом стоял дед-матрос. Не успел Козулич сообразить, что происходит, как дед накинул на него аркан и связал по рукам и ногам.

Как и следовало ожидать, в кармане попа оказался револьвер, а в спальне — винтовка и гранаты. Одновременно энергично и решительно действовали председатель ЧК и Байда. По списку деда Тараса, в котором значились все местные антисоветские элементы, подобно нашей были организованы засады. Для руководителей и организаторов контрреволюционного восстания нанесённый удар оказался настолько неожиданным, что никто из них не смог оказать сопротивления. Арестованных на тачанке стали свозить к дому Козулича, где шёл оперативный допрос.

Благодаря показаниям растерявшихся заговорщиков удалось извлечь многочисленное оружие, вплоть до станковых пулемётов. Кое-кому посчастливилось скрыться, но это было не суть важно — контрреволюционной организации больше не существовало. Мои неоднократные попытки допросить Козулича ни к чему не привели. Он кипел от злости, губы его покрывала пена и сквозь них изрыгались такие ругательства, что матросы, много слышавшие из подобного репертуара, от удивления разводили руками.

Лишь попадья нам сообщила, что после побега из Дубассар Козулич очутился в Одессе. Тайком вызвал и её туда. Они обвенчались, а затем одесский архиерей Назарий возвёл Козулича в сан священника и направил в Черноморку.

Вечером этого же дня я выехал в Очаков, а председатель ЧК при содействии Байды и вызванных им сотрудников стал разбираться в делах арестованных.

Между тем обстановка на Украине становилась все напряжённее. Под нажимом белых, наступавших в Донбассе, 58-я дивизия, возглавляемая Федько, оставив Крым, отходила к Николаеву. Разбойничья вольница Махно висела над тылами и флангами красноармейских войск, отбивавшихся от армии Деникина. То там, то здесь возникали кулацкие восстания, многочисленные банды рейдировали, неся с собой дезорганизацию тыла, убийства советских и партийных работников, погромы. Вражеский флот неистово обстреливал Очаков в течение всего дня.

Как-то ранним утром мне принесли листовку, сброшенную с гидросамолёта. Часть таких листовок оказалась расклеенной в городе. Командующий Черноморским флотом адмирал Саблин призывал матросов, командиров уничтожать комиссаров и коммунистов и переходить на сторону

белых. За голову Мокроусова, Чижика, Шарапова и мою адмирал обещал крупное денежное вознаграждение. Мне польстило, что у белых я ценюсь достаточно высоко, однако расклеенные листовки говорили и о другом — враг орудует у нас под носом. Я ещё находился под впечатлением листовки, когда пришла телефонограмма: командир и комиссар 58-й Крымской дивизии вызывали меня к себе для доклада.

На рассвете следующего дня на тачанке, запряжённой могучей артиллерийской парой, я выехал в Николаев. В селе Парутине обстановка оказалась неожиданной. По улицам метались встревоженные люди, куда-то стремглав неслись подводы, верховые. Издали доносились одиночные выстрелы, взрывы. Вдруг ко мне подскочил на неосёдланной взмыленной лошади верховой в сбитой на затылок фуражке и взволнованно, скороговоркой предупредил:

— Куда вы несётесь в чёртово пекло? В селе власть захватили кулаки. Советских работников расстреливают, дома их громят. Я милиционер, еле ноги унёс. Сворачивайте в переулок и выезжайте в поле.

Не задумываясь, мы помчались по указанной дороге. Впереди, всё более отрываясь от нас, скакал милиционер. Но беда, как говорят, не приходит одна. Когда тачанка оказалась на просёлочной дороге, которая могла нас вывести к тракту Одесса—Николаев, правый конь стал приставать, спотыкаться, затем упал. На наших глазах его живот рос в объёме, вздувался, и конь быстро окошел.

Делать нечего, едем шагом и с тревогой следим за оставшимся в живых конём. Справа от нас два села, вытянувшиеся вдоль Буга, — Большая и Малая Корениха. В них тоже беспокойно. Оттуда доносятся выстрелы, в гуще изб полыхает пожар.

Просёлочная дорога вывела нас на бугор. Оттуда видна была большая группа крестьян, преимущественно мужчин. Некоторые из них стоговали снопы, но большая часть не работала, а что-то горячо и взволнованно обсуждала. Нас заметили сразу, и человек десять, вооружённых винтовками, бросились к нам. Не успел я опомниться, как очутился на земле, а винтовка и наган оказались в их руках.

Верховодил толпой высокий одноглазый мужик лет сорока. На его вопрос матрос-ездовой спокойно ответил, что мы служим по мобилизации, везли в Николаев красного командира, который, увидев в Парутине заваруху, куда-то скрылся. Мой и ездового внешний вид для бунтующих мужиков говорил в нашу пользу. На комиссаров, командиров мы не походили, поэтому одноглазый отверг как предложение без разбору нас расстрелять, так и совет отпустить на все четыре стороны.

Он принял решение направить нас в Большую Корениху, в штаб, чтобы там и допросили, и решили нашу судьбу. В сопровождении пяти вооружённых мужиков под палящим солнцем, напрямик по стерне пошли мы, еле передвигая ноги. Беззлые конвоиры не торопились, лениво обмениваясь словами о беспокойной жизни. В разговор включился и я. На мои вопросы они без утайки, доброжелательно отвечали, и картина стала ясной.

В Большой и Малой Коренихе, как и в Парутино, власть захватили кулаки. Восстание возглавил нелегально прибывший в Большую Корениху бывший офицер. Уточнив подробности о нём, я пришёл к выводу, что это не кто иной, как Николай Жмыхов. Об этом говорило всё, вплоть до белой пряди волос в чёрной шевелюре. Несомненно, что для решения такой задачи, как

уничтожение единственной переправы через Буг для отходящих наших войск, создание в их тылу невозможной обстановки, белое командование направило лучших своих «специалистов».

Но попасть в кулацкий штаб, да ещё в руки Жмыхова, означало не только быть уничтоженным, но и подвергнуться страшнейшим пыткам. И я решил сделать всё возможное, чтобы живым к Жмыхову не попадаться. Изнывая от жары и жажды, мы присели у одинокого дерева и закурили. Когда малость отдохнули, я, как бы продолжая разговор, обратился к сопровождающим с откровенной речью. Дядьки, затаив дыхание, слушали. Я их спросил: во имя чего они пошли за кулаками и ведут нас на убой? Что, стосковались по помещику? Почему у них оказалась короткая память?

Заканчивая, я напомнил своим конвоирам, что рано или поздно им за наши жизни, за их поступки придётся отвечать, и призвал их сделать не так, как им приказывают враги революции, а как подсказывает совесть труженика. Притихшие дядьки пришли в смущение, на их лицах появились растерянность и сочувствие ко мне. И они заспорили, но не о том, отпускать ли нас, а о том, как это сделать. В спор вступил матрос. Он предложил инсценировать наш побег, после которого, не торопясь, следует явиться в штаб и там сообщить о происшедшем. На том и порешили, при этом согласились со мной, чтобы выстрелы последовали при нас, здесь же. Уходили мы от своего конвоя не торопясь, стараясь пореже оглядываться, опасаясь пули в спину. Но всё шло благополучно. Мужики стояли молча, долго провождая нас взглядом.

Примерно через час, как своё спасение, я увидел широкую, пыльную столбовую дорогу Одесса— Николаев. По ней зашагали, точно не было пережитого и усталости. До Николаева рукой подать.

Когда показалась расположенная у плашкоутного моста деревня Старая Варварка, увидели выходящую из неё колонну красноармейцев. Впереди верхом на лошади — командир и комиссар части. Вскоре в командире я узнал Ржежевского. Встреча произошла сердечно, радости моей не было предела. Часть остановилась на привал, и я своему другу и его комиссару рассказал о наших злоключениях. Слушали меня с большим вниманием, вникая во все подробности и детали. Оказывается, им поручено ликвидировать белогвардейскую вылазку и восстановить на побережье Буга советские порядки. Во время беседы подъехал направлявшийся в Николаев милиционер, предупредивший меня в Парутино об опасности.

Он, житель Большой Коренихи, дополнительно сообщил весьма важные сведения. Так, ему было известно, где расположен штаб белогвардейцев, куда с наступлением темноты он мог бы незаметно провести небольшую группу бойцов.

Ликвидировать Жмыхова с его штабом стало моей потребностью, и я предложил Ржежевскому свой план: с милиционером и несколькими бойцами я пробираюсь к штабу, уничтожаю его, даю сигнал ракетой, по которому часть врывается в село и уничтожает банду.

Начало смеркаться, и я с группой в пять человек направился для выполнения плана, а часть — для занятия исходной позиции. Через огороды, густые сады мы бесшумно следовали за милиционером. Вот и каменный дом. В окнах — свет, в дверях — часовой. Один из красноармейцев берётся снять часового. Он выходит из засады, громко покашливает и вплотную подходит к часовому. Какой-то миг, и от удара финки тот падает замертво.

Мгновенным броском я подбегаю к окну и разглядываю, что творится внутри.

В просторной комнате — большая группа людей. У края стола в полный рост стоит Жмыхов. Одет он, как и полагается командиру в полевой обстановке. Вязываться в драку с бандитами в подобной ситуации не имеет смысла. Решаю забросать их гранатами, лишив себя удовольствия напутствовать перед смертью давнего врага. С сигналом ракеты в окна, двери летят гранаты. Пулемётная, ружейная пальба будит ночную тишину. Вся контрреволюционная затея была погублена начисто. Жмыхов и его штаб уничтожены.

Несколько слов о Ржежевском. Мы встретились с ним в Одессе после окончания Гражданской войны, участником которой тот был до последних её дней. Прошло много лет. В 1931 году в Москве у одного из зданий Парка культуры и отдыха моё внимание привлекло объявление о лекции А.Ржежевского, совершившего пешком путешествие из Ростова во Владивосток и обратно. Я присутствовал на этой интересной лекции и с удовольствием приветствовал своего друга. Прошло ещё много лет. Я был на спектакле театра имени Вахтангова «Олеко Дундич» и здесь вновь встретил Ржежевского, соавтора этой замечательной пьесы.

Ну а после ликвидации жмыховской авантюры, я шагал ранним утром, с трудом передвигая ноги, по улицам Николаева. Город производил гнетущее впечатление: на всё наложила отпечаток предэвакуационная суета. В сторону Буга, к переправе, двигались обозы, гурты скота, отары овец. В учреждениях жгли архивы. Навстречу то и дело попадались группы пьяных тёмных личностей. С разных сторон раздавались ружейные выстрелы, какие-то взрывы.

В штабе, который размещался в гостинице, ни командира, ни комиссара дивизии я не застал. Здесь мне сообщили, что на станцию Николаев ворвалась махновская банда, которая стала склонять на свою сторону красноармейцев тыловых эшелонов, и что товарища Федько, прибывшего на станцию для наведения порядка, арестовали. Внимание всех сейчас приковано к событиям на станции. Мне было не до отдыха, и я направился на станцию. Здесь я застал бурный митинг, созданный махновцами, чтобы завершить и закрепить мятеж.

Коллеблющимся красноармейцам хотелось послушать доводы своего начдива, и они потребовали освободить Федько и предоставить ему слово. Тут я и появился на митинге. Пробившись к трибуне, увидел Алексея Мокроусова, охрипшего в бесстрашной дискуссии с махновцами. Тем ничего иного не оставалось делать, как освободить товарища Федько.

И вот на трибуне двадцатидвухлетний начдив, пользовавшийся в дивизии непререкаемым авторитетом. Смелая и горячая речь пламенного коммуниста Федько разбивала вдребезги мелкобуржуазные и анархические бредни махновцев. Разоблачая махновщину как враждебную революции и народу силу он призвал красноармейцев к верности Ленину, партии и советской власти. Красноармейцы дружно поддержали своего любимого начдива, что дало возможность Мокроусову обезоружить и арестовать махновцев.

После того как я представился начдиву, он поручил нам с Мокроусовым немедленно ликвидировать начавшийся грабёж и разгул на станции, развязанный махновцами, уголовными и иными тёмными элементами. Примкнули к ним и некоторые отсталые красноармейцы.

На железнодорожных путях скопились сотни вагонов с продовольствием, промышленными товарами, вином, водкой и другим имуществом. Здесь же находились цистерны со спиртом. И вот на всё это добро и ринулась людская масса. Толпы грабителей металась по путям, взламывали вагоны и растаскивали государственные ценности. У вагонов с водкой и вином творилось

невообразимое. Шли драки и бои между стремившимися добраться к ящикам с бутылками разъярёнными группами. Тут же замертво лежали пьяные громилы.

Командование прекрасно сознавало, что развязанный враждебными силами, всячески раздуваемый белогвардейской агентурой стационарный грабёж и разгул, неизбежно перерастёт в погромы и общую дезорганизацию тыла. Нужны были срочные и решительные меры.

Возглавляемый Мокроусовым и мной отряд сумел справиться непростой задачей. Кое-где отдельные шайки попытались организовать сопротивление, но оно немедленно и беспощадно подавлялось. Через минут двадцать—тридцать среди пьяниц и грабителей началась паника, а через час стационарные пути были свободны, порядок восстановлен.

Вечером я снова встретился с начдивом Федько. Он меня поставил в известность о намерении командования организовать оборону по левому берегу Буга и там задержать деникинцев. От нас он потребовал упорной защиты Очакова и без его приказа крепость не оставлять.

Впоследствии приказ товарища Федько был в точности выполнен. Только тогда, когда сложившаяся обстановка потребовала отхода части 58-й дивизии от линии реки Буг и когда последовал приказ начдива, Очаков был нами оставлен.

Окончание. Начало см.: Воен.-истор. журнал. 2008. № 1, 3, 6, 11.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Суржик Дмитрий Викторович —

аспирант Института всеобщей истории РАН (Москва)

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

Сталинградская битва, знаменовавшая начало коренного перелома в Великой Отечественной и всей Второй мировой войне, прочно вошла в анналы отечественной и всемирной истории. Те двести огненных дней и ночей навсегда останутся в памяти поколений. По истории битвы уже написано большое количество книг, но вряд ли они могут исчерпать такое колоссальное событие. При этом, рассматривая отдельные моменты той грандиозной эпопеи, важно не терять её целостное видение. Попытку создать интегрированную картину событий на основе вышедших за последние полтора десятилетия работ (при этом не игнорируя уже имеющихся фундаментальных трудов советских полководцев) предпринял волгоградский историк, участник Сталинградской битвы В.Н.Попов.

Данная работа* восстанавливает событийный ход Сталинградской битвы с использованием недавних публикаций и при критическом подходе к ним. В ней выделяется и решается ряд проблем: причины ошибок в стратегическом планировании командованием РККА военной кампании 1942года; ответственность советского руководства за эвакуацию гражданского населения; число потерь среди мирного населения города; авторство плана контрнаступления советских войск; оценка роли разведки и отношения к её сведениям со стороны руководства двух держав как военно-стратегического фактора; оккупационная политика 6-й армии; коллаборационизм на данном участке фронта; борьба в германском руководстве вокруг вопроса о прорыве окружённой 6-й армии. В книге дана оценка различных мнений по вопросу использования 2-й гвардейской армии по отражению деблокирующего удара Манштейна; подвергнуты критике антиисторические утверждения отдельных авторов. Приводятся статистические данные о количестве советских и немецко-фашистских войск во время боёв, военнопленных 6-й армии, потерь РККА. Автором также определены перспективы изучения вопросов, связанных с историей Сталинградской битвы.

Книга начинается с описания того кризиса немецкого руководства, который явился следствием поражения под Москвой. Анализируются причины немецкого наступления на Сталинград: главное — овладение кавказской нефтью. В то же время автором не ставилась задача рассмотрения кампании вермахта лета 1942года с геополитической точки зрения, хотя подобный экскурс был бы весьма интересен. В Лондоне и Вашингтоне продвижение немецких войск по направлению к грозненскому и бакинскому нефтяным районам считали чрезвычайно опасным. Эти опасения имели под собой почву, так как в Германии был подготовлен «план «Ориент». Замысел его заключался в том, чтобы, в случае поражения СССР, через Кавказ выйти в Иран, а затем — и в Саудовскую Аравию, тем самым лишив британские войска манёвра. Несмотря на то, что разбить СССР в течение 1941года не удалось, Гитлер не отказался от «плана «Ориент». В начале 1942года Германия стояла на грани нефтяного кризиса. Заявление фюрера: «Если я не получу кавказской нефти, я буду вынужден покончить с этой войной!» — в значительной мере соответствовало действительности¹. Гитлер начал летнюю кампанию 1942года не с наступления на Москву, а с продвижения войск Роммеля и Паулюса, которые должны были взять Кавказ в клещи. На это были брошены все силы. Гитлер потребовал у Муссолини 3 альпийские дивизии, а абвер подготовил операцию «Шамиль» разведывательно-диверсионного характера с целью поднять антисоветский мятеж горских народов Северного Кавказа. Командованием соединения «Бранденбург-800» были предприняты две неудачные десантные операции с целью захватить нефтяные месторождения².

В работе даётся оценка действий советского и немецкого командования на всех этапах борьбы за Сталинград, рассматриваются их стратегические ошибки, которые привели, с одной стороны, к распылению сил, а с другой — к недостатку войск. Эти выводы носят объективный характер и лишены штампов.

Положительно и то, что автор использует многочисленные работы последних лет. Среди них мемуары иностранных политиков и солдат вермахта, исследования по военной, социальной и бытовой истории отечественных и иностранных авторов, издания на немецком языке, а также личные воспоминания о событиях тех лет.

Вместе с тем в тексте встречаются отдельные неточности. Не отрицая колоссальной роли Сталинградской битвы, вряд ли можно согласиться с тем, что она напрямую вызвала покушение на Гитлера 20июля 1944года. Это утверждение автора спорно и с хронологической, и со стратегической точек зрения. В начале 1943года, после окружения группировки Паулюса войска

Германии и её сателлитов находились на территории СССР, и лишь немногие могли думать о конце «третьего рейха». К середине 1944года обстановка радикально изменилась: советские войска очистили свою территорию и вышли в Европу, ресурсов у нацизма оставалось всё меньше, а высадка союзных войск в Нормандии и их успешные действия в Италии уже вряд ли вызывали у здравомыслящих людей сомнение в скором крахе гитлеризма. Масштаб поражения под Сталинградом помог нацистскому политическому руководству замолчать факт покушения, поэтому вряд ли можно согласиться, что «Сталинград явился необратимым поворотным пунктом, положившим начало крушению Третьего рейха и прозрению его подданных», что «он способствовал, прежде всего, кристаллизации антинацистских сил в стране». Таковые в лице коммунистической и либеральной оппозиции были ликвидированы в первые годы нацизма. История немецкого сопротивления ограничивается многочисленными сомнениями и неудачными попытками генеральских заговоров (порой становившихся известными гестапо и служивших почвой для оперативных игр), лишь одна из которых закончилась действием (покушение К.фон Штауффенберга), и пропагандистскими антивоенными листовками студенческой группы «Белая роза». В обоих случаях эти действия не получили широкого резонанса.

К сожалению, говоря о судьбе немецких военнопленных, автор не использует фундаментальный труд своего земляка, профессора М.М.Загорулько и его коллег «Военнопленные в СССР, 1939—1956»³.

Написанная доступным языком с обилием ярких примеров, работа В.Н.Попова, безусловно, будет интересна широкому кругу читателей и исследователей истории Великой Отечественной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Цит. по: *Васильев А.* Саудовская Аравия и Вторая мировая война // Азия и Африка сегодня. 2005. № 8. С. 54.

2 См. подробнее: *Неподаев Ю.* Спецназ адмирала Канариса. М.: «ЯУЗА» - «ЭКСМО», 2004. С. 140—143.

3 Военнопленные в СССР, 1939—1956. / Под ред. М.М.Загорулько. М.: ЛОГОС, 2000.

* *Попов В.Н.* Великий перелом. Сталинградская битва: новые подходы к оценке победы, изменившей мир (по материалам новейших исторических исследований) / В.Н. Попов; Волгоградский музей И.В.Сталина, Благотворительный фонд «Горожанин», Общество Вилли Брандта. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Принт, 2008. 80 с.

ИЗОНОВ Виктор Владимирович —

начальник управления Института военной истории МО РФ, полковник, доктор исторических наук, профессор (Москва)

О МОРСКОЙ АВИАЦИИ ПЕРИОДА 1918—1937 ГГ.

Прошло уже более шести лет, как морская авиация Военно-морского флота перестала быть самостоятельным родом сил ВМФ и на её базе создали новый род флота — Военно-воздушные силы и противовоздушную оборону Военно-морского флота. Однако она по-прежнему является основной составляющей ВВС и ПВО, и неудивительно, что её состояние и перспективы развития продолжают оставаться актуальными и в нынешних условиях. В связи с этим интерес к историческому опыту развития отечественной морской авиации не ослабевает.

Именно историческим аспектом строительства и применения авиации ВМФ посвящена новая монография заместителя начальника Военно-энциклопедического управления Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации кандидата исторических наук, доцента полковника В.Л. Герасимова*.

Особенностью книги является то, что в рассматриваемых автором хронологических рамках морская авиация большую часть времени входила в состав Военно-воздушных сил Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА).

В работе впервые раскрываются вопросы строительства и боевого применения авиации ВМФ в 1918—1937 гг.

Во введении достаточно подробно дан историографический анализ трудов по морской авиации, вышедших в последние годы. Автор отмечает, что в недавнее время по этой теме написан целый ряд книг, что является положительной тенденцией в освещении славной истории военного флота и его авиации. Однако при этом он пишет, что в современной историографии отечественной авиации флота присутствует большое количество ошибок и неточностей. В.Л.Герасимов постарался максимально объективно показать боевую деятельность советской морской авиации и морской авиации Белого флота в ходе Гражданской войны. Во второй главе книги речь идёт о развитии морской авиации в составе Военно-воздушных сил РККА (1920—1937гг.). В ней доказывается, что все годы пребывания морской авиации в качестве одной из составляющих Военно-воздушных сил ей со стороны ВВС РККА уделялось явно недостаточное внимание в плане дальнейшего поступательного развития.

Первые две главы монографии изложены в хронологической последовательности и охватывают период с 1918 по 1937 год. Третья и четвёртая рассматривают проблемные вопросы отечественной авиации флота того времени. В силу своей значимости для дальнейшего развития морской авиации дискуссия, состоявшаяся в 20-х годах XXвека, представлена в труде самостоятельной третьей главой. А вопрос тогда ставился даже так: «флот морской» или «флот воздушный»?

«Временное наставление по боевому применению морской авиации 1937г.» появилось не сразу, его выходу предшествовала большая подготовительная работа, но именно в нём морская авиация ВМФ СССР прошла всю Великую Отечественную войну, а поэтому в рамках данного труда этому документу посвящена целая глава (четвёртая).

Источниковая база монографии основана на документах и материалах Российских государственных архивов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые. В книге отражены последние достижения отечественной историографии, касающиеся морской авиации и

Военно-морского флота России, рассмотрены вопросы, которые ранее в рамках военной истории и истории военно-морского искусства не рассматривались.

Существенно дополняют монографию приложения, которые помогают взглянуть на нынешнее положение дел с ВВС и ПВО ВМФ несколько по-иному. В приложении № 14 приводятся средние нормы месячного налёта на экипаж по всем родам морской авиации образца 1937 года, которые были утверждены «Временным наставлением по боевому применению морской авиации 1937г.». Эти нормы налёта одного экипажа морской авиации в месяц в 1937 году в несколько раз превышают то, что налёты сегодня нынешнее поколение морских авиаторов, да и не только морских, но и представителей ВВС.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной морской авиации и Военно-морского флота.

* *Герасимов В.Л.* Некоторые аспекты строительства и применения морской авиации (1918—1937 гг.): монография. Смоленск: ИЦ «Моравиа», 2008. 144 с.

КНИЖНАЯ ПОЛКА ВОЕННОГО ИСТОРИКА

Смирнов Даниил Сергеевич —

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

«КРЫЛАТЫЕ» КОРАБЛИ

Книга* посвящена самым большим в мире и в то же время самым малым противолодочным кораблям на подводных крыльях под общим шифром «Сокол», построенным в XX веке. В издании содержатся сведения об истории создания, устройстве и службе этих одних из самых необычных кораблей Советского и Российского флотов. Корабли проектировались в период наивысшего расцвета советской военно-морской мощи, но, к сожалению, вступали в строй на её излёте, во времена крушения великой страны, что и предопределило их не отмеченную важными событиями судьбу. Тысячи людей, принимавшие в той или иной мере участие в создании «крылатых» кораблей, были уверены, что труд их будет востребован флотом и стаи «Соколов» приступят к охране рубежей страны с морских направлений, внося свой вклад в обеспечение военной безопасности Отечества. Но «Соколам» не повезло — рухнуло государство! Вновь образованной стране, вернее её новому руководству, заражённому неоправданным пацифизмом, стало не до Вооружённых Сил. Кто при этом мог вспомнить о малых кораблях, пришедших на флот

накануне перемен, погубивших страну, кроме моряков, служивших на них? Вот и появилось их всего лишь два — «МПК-215» и «220», стоящих у причала в Ясной бухте в Севастополе.

Книга подготовлена на основе рассекреченных материалов Зеленодольского ПКБ о самих кораблях и публикаций из открытых источников об их службе и оружии, а также на основе воспоминаний конструкторов, строителей и моряков. В книге представлен обширный фотографический (около 300 снимков) и графический материал, включающий два альбома (по 6 страниц) теоретических чертежей и чертежей общего расположения кораблей пр. 1141 и 11451. Труд будет интересен не только любителям истории отечественного флота, но и судомоделистам.

* *Дмитриев Г.С., Косториченко В.В., Леонов В.В., Машенский С.Н.* Соколиная охота. М.: ООО Военная Книга, 2008. 72 с., 96 с. ил.

Щеблыкин Олег Владимирович —

заместитель ответственного редактора газеты «На страже Родины» Ленинградского военного округа, капитан 2 ранга (Санкт-Петербург)

ИЗ ДАЛЁКОГО 1942-го

Казалось бы, чего только нет сегодня на прилавках книжных магазинов и на богатейших книжных развалах. Но вот такого удивительного издания, презентация которого состоялась 9 сентября 2008 года при поддержке Генерального консульства Республики Казахстан в Санкт-Петербурге в литературно-мемориальном музее Ф.М.Достоевского, в открытой продаже увидеть, пожалуй, будет невозможно. Едва выйдя в свет в Алма-Ате, книга стала раритетом. И не потому, что у неё необычное для русского языка название — «Отанды коргауда». Переводится это просто — «На страже Родины». Так называлась газета, выходившая на казахском языке в 1942—1945гг. в качестве приложения к газете Ленинградского фронта «На страже Родины». Она предназначалась воинам-казахам, защищавшим Ленинград в период блокады и участвовавшим в её прорыве, а теперь в переплетённом виде представляет собой энциклопедию в тысячу страниц с 600фотографиями.

Необычна судьба и газеты, и людей, участвовавших в её издании. Первый номер «Отанды коргауда» вышел в канун 25-й годовщины Великого Октября — 6ноября 1942года. Газета сразу же оказалась мощным рычагом воздействия, другом и советчиком для воинов-казахов, помощником командования. В ней публиковались корреспонденции о событиях, связанных с обороной Ленинграда, о подвигах его защитников. Трудно поверить, но номера «Отанды коргауда» представляют ныне большую редкость, их нет даже в собрании Российской национальной библиотеки.

Как создавалась «Отанды коргауда»? Редактор газеты Ленфронта «На страже Родины» Максим Ильич Гордон искал для неё сотрудников среди курсантов военно-политического училища Ленфронта. Отобрал двух: Туймебая Ашимбаева и Бисена Жумагалиева, затем из 55-й армии прибыл Акмукан Сыздыкбеков. Позже редакционный коллектив вырос до пяти человек. Однако в 1945 году трое членов редакции были арестованы и осуждены по статье 58. Газета перестала выходить. Двое из подвергшихся репрессиям — А.Турганов и К.Усманов погибли в лагере. Т.Ашимбаев выжил и впоследствии был реабилитирован. Подшивку газеты за 1942—1945 гг. чудом сохранила его первая жена А.К.Голубева. Именно это собрание и было издано в виде книги усилиями младшей дочери Т.Ашимбаева Алиды и её мужа Рахмана Алшанова. Книга является поистине уникальным изданием, освещающим неизвестные страницы из истории блокады Ленинграда и участия в защите города воинов-казахов. К книге приложены биография Т.А.Ашимбаева, воспоминания А.К.Голубевой о войне, блокаде и аресте, а также воспоминания старшей дочери Т.А.Ашимбаева Натальи. Кстати, она сейчас живёт в Санкт-Петербурге.

Судьба Т.А.Ашимбаева после его освобождения была связанной уже с Казахстаном. Там он завершил образование, стал крупным экономистом, директором Института экономики АН КазССР.

СОКОЛОВА Валентина Ивановна —

доцент кафедры отечественной истории XX—XXI вв. Чувашского государственного университета им.И.Н.Ульянова, кандидат исторических наук (г.Чебоксары)

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ

Так называется один из заключительных разделов новой книги* А.Б.Краснова, в прошлом военного лётчика, участника Великой Отечественной войны, а ныне профессора, доктора военных наук, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, преподавателя Военно-воздушной академии им.Ю.А.Гагарина. Читателям уже известны его книги «Атакуют истребители» (1981), «Барьеры воздушной разведки» (1987), «Секреты неотразимых атак» (1991), «Не ошибись, разведчик» (2005). Книгой «Такие замечательные люди на войне» «Русавиа» открывает новую для себя серию публикаций — мемуары военных лётчиков. И неважно, что подобных мемуаров издано уже предостаточно. Важно другое: в каждой публикации читатель обязательно найдёт что-то новое, а в целом историография Великой Отечественной войны пополнится неизвестными ранее фактами, событиями, именами. Другая отличительная черта военных мемуаров — сопричастность автора к описываемым событиям, личные встречи, служба, дружеские отношения с теми или иными, нередко широко известными, людьми. При этом человек открывается для вас, много читавших о нём в официальных источниках, неожиданной стороной.

Так, автору довелось встретиться с членом ГКО Г.М.Маленковым на аэродроме «Кряж», что под Куйбышевом (Самара), с Василием Сталиным, о котором у Краснова осталось очень неприятное впечатление, как и о комиссаре (замполите) 519 иап майоре Прядкине и неизвестном майоре «Смерша» с твердокаменным лицом. Но были и иные встречи. Это как раз с теми людьми,

которых автор и назвал эпитетом «замечательные». Среди них знаменитый ас И.Н.Кожедуб, впервые с которым Краснов встретился, когда тот был ещё инструктором в Чугуевской школе пилотов, с К.К.Рокоссовским, с командующим 16 ВА С.И.Руденко, с лейтенантом Героем Советского Союза С.К.Колесниченко, капитаном В.К.Поляковым, подполковником С.В.Шаповаловым и десятками других лётчиков — друзей и сослуживцев, многие из которых не дожили до дня Великой Победы, отдав за неё самое дорогое — жизнь.

Показывая воздушные схватки советских и немецких асов, автор далёк от того, чем невольно грешат многие мемуаристы — он не преукрашивает события в «нашу пользу», отдавая справедливую дань мастерству противника. Зато тем желаннее, тем радостнее была каждая победа над врагом.

Хотя в основе воспоминаний А.Б.Краснова лежат события Битвы на Курской дуге, их диапазон значительно шире. Это и полное лишений детство «врага народа», и обучение в Чугуевской школе пилотов, и размышления о неудачах первых месяцев войны. Не обошлось, конечно, и без «женского вопроса», хотя, на мой взгляд, эта тема неоправданно затянута и изобилует ненужными подробностями, мало сочетающимися с понятием «замечательные люди». Не лишена книга и других недочётов. Так, Степану Колесниченко не повезло с отчеством: в книге он то Калинкович, то Каликович, хотя на самом деле Калинович, и 114 воздушных боёв он провёл вообще, а не в ходе Курской битвы. Есть ряд и других замечаний, что, впрочем, не умаляет значения труда в целом.

* *Краснов А.Б.* Такие замечательные люди на войне. Документальная повесть. М.: Русавиа, 2007. 288 с., ил.

Смирнов Даниил Сергеевич —

редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

«ВОЕННЫЕ ЗВЁЗДЫ»

Преемственность подвига во имя Родины — такова основная тема иллюстрированного сборника литературных произведений в двух томах «Военные звёзды»*, который опубликован в рамках программы книгоиздания правительства Московской области Издательским домом «Московия». Очерки сопровождаются шестьюстами эксклюзивными фотографиями, отражающими накал боевой деятельности Сухопутных войск, Военно-воздушных сил и Военно-морского флота России. На основе документов фронтовых лет, которые стали доступны исследователям недавно, в книге впервые рассказывается о судьбах офицеров, удостоенных звания Героя России за подвиги, совершённые ими в годы Великой Отечественной войны. Среди них — военные лётчики-фронтовики Борис Кучин и Иван Рубцов, танкисты Василий Брюхов и Константин Казанцев, артиллерист Павел Сюткин, подводник Алексей Матияевич и многие другие.

Перед читателями также предстаёт галерея офицеров современной Российской армии, бесстрашно защищающих свой народ и интересы государства сегодня. На страницах двухтомника, в частности, рассказывается о судьбах выпускников суворовских военных училищ Героев России подполковников Владимира Захарова и Романа Щетнёва, которые по-прежнему находятся в боевом строю Вооружённых сил.

О мотивах жизненного пути, значении Великой Победы и продолжении военных традиций на страницах книги размышляют нынешние воспитанники суворовских военных училищ, которые, пожалуй, наиболее ярко олицетворяют завтрашний день нашей армии.

Двухтомник «Военные звезды» рассчитан на широкий круг читателей, материалы книги доступны в Интернете на сайте суворовских военных училищ: www.svu.ru.

* Военные звёзды. М.: ГУМО «Издательский дом “Московия”», 2008. 312с., ил.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Публикация: Смирнов Даниил Сергеевич —
редактор редакции «Военно-исторического журнала», лейтенант (Москва)

ФЕВРАЛЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

2 февраля 1944 года в ходе проведения Ровно-Луцкой наступательной операции войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина освободили города Ровно и Луцк.

4 февраля 1899 года, 110 лет назад, родился В.Ф. Болховитинов, авиаконструктор и ученый в области самолетостроения, генерал-майор инженерно-авиационной службы, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук. Под его руководством в 1941—1942 гг. создан первый в СССР экспериментальный реактивный истребитель БИ-1 с ЖРД. Умер в 1970 году.

8 февраля 1909 года, 100 лет назад, родился В.И. Раков, генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза, доктор военных наук, профессор, участник советско-финляндской войны. В годы Великой Отечественной войны воевал в штурмовой авиации на Балтийском и Черноморском флотах. Совершил 170 боевых вылетов. После войны командовал авиационными соединениями ВМФ. С 1948 по 1970 год — на преподавательской работе в ВМА. Умер в 1996 году

9 февраля 1904 года началась Русско-японская война. В бухте Чемульпо Жёлтого моря состоялось героическое сражение русского крейсера «Варяг» по командованием капитана 1 ранга В.Ф. Руднева и канонерской лодки «Кореец» под командованием капитана 2 ранга Г.П. Беляева с японской эскадрой контр-адмирала Уриу (1 тяжёлый и 5 лёгких крейсеров, 8 миноносцев).

11 февраля 1944 года по распоряжению Государственного комитета обороны в Ленинграде образован Научно-исследовательский минно-торпедный институт № 400, ныне ЦНИИ «Гидроприбор».

15 февраля День памяти воинов-интернационалистов. В 1989 году этот день в 16 ч 21 мин через мост Дружбы на участке Тактабазарского погранотряда перешел последний советский военнослужащий. Завершился вывод советских войск из Афганистана.

19 февраля 1944 года Государственный комитет обороны принял постановление «О привлечении организаций ОСОАВИАХИМа к работам по разминированию и сбору трофейного и отечественного имущества в районах, освобожденных от немецкой оккупации». За 1944—1945 гг. команды очистили от боеприпасов 1600000 кв.км освобождённой территории, свыше 150тысяч населенных пунктов, обезвредили более 75млн взрывоопасных предметов.

23 февраля. День воинской славы России. День защитника Отечества. (Установлен Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 февраля 1993 г.).

23 февраля 1959 года, 50 лет назад, открыт Музей обмундирования русской, советской и иностранных армий Управления вещевого снабжения Министерства обороны СССР. В 1985 году в г. Щёлково-4 Московской области построен новый корпус, где на площади 1700кв.м разместилась экспозиция музея.

24 февраля 1899 года, 110 лет назад, родился М.М. Громов, выдающийся советский летчик-испытатель, генерал-полковник, Герой Советского Союза. В Красной армии — с 1918 года. Летчиком участвовал в Гражданской войне. В 1925 и 1929 гг. в составе экипажа совершил рекордные полеты на дальность. В 1937 году на самолёте АНТ-25 вместе с А.Б. Юмашевым и С.А. Данилиным совершил перелёт Москва — Северный полюс — Сан-Джасинто (США). В годы Великой Отечественной войны командовал авиадивизией и авиацией фронта, воздушной армией. После войны — на руководящих должностях в ВВС. Умер в 1985 году.

24 февраля 1909 года, 100 лет назад, родился И.Г. Павловский, генерал армии, Герой Советского Союза. В Красной армии — с 1931 года. Во время Великой Отечественной войны командовал стрелковым полком и дивизией. После войны — на ответственных командных должностях. С 1961 года командовал войсками ряда военных округов. В 1967—1980 гг. — главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР. Умер в 1999 году.

27 февраля 1899 года, 110 лет назад, родился С.В. Руднев, один из организаторов и руководителей партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, генерал-майор, Герой Советского Союза, участник Гражданской войны. Осенью 1941 года возглавил партизанский отряд в Сумской области. Погиб в бою 4 августа 1943 года.